

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Академия
Ранмарн

Елена Звездная
Академия Ранмарн

«ЭКСМО»

2011

Звездная Е.

Академия Ранмарн / Е. Звездная — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-9922-0994-5

Совершенный мир. Мир, где каждый шаг логичен, жест выверен, мир, где любое слово имеет точное значение. Здесь нет места иррационализму и чувствам. Вот только человеческую природу не изменишь... и, направляя юную преподавательницу в выпускные группы Академии Ранмарн, глава учебного заведения для элитных военных знал об этом. Она – знающая, у нее – опыт и знания всех предыдущих поколений. Он – прирожденный командир, привыкший побеждать всегда и во всем. А третий... третий просто боец, который сражается до конца. К чему приведет любовный треугольник из учительницы и двух лучших учеников? К чему приведет песчинка человеческих чувств, попавшая в идеально работающую машину Таларийского государства?

ISBN 978-5-9922-0994-5

© Звездная Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Академия Ранмарн	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Е. Звездная Академия Ранмарн

Академия Ранмарн

– Маноре Манире, старший знающий Атанар вылетел в столицу, поэтому вы будете замещать его два дегона на выпускных курсах! – непререкаемым тоном заявил глава Академии, выдавая мне расписание занятий групп «Атакующие» и «Ведущие».

От удивления Книга записей выпала из рук, а я осталась стоять с открытым ртом. Впрочем, перспектива оказаться под пристальными взглядами молодых военных пугала больше, чем тон главы:

– Знающий третьего танра инор Осане, я вынуждена отказаться от великой чести... Да к асарсар эти условности! Инор Осане, там занимаются те, кто старше меня на много лет! Я лишь первый год младшая знающая! Я обучаю ранмарнов от двенадцати и до семнадцати лет, а вы отправляете меня в группы, где обучаются ранмарны от двадцати семи до тридцати пяти полных оборотов Талары! При всем моем уважении к вам, «Атакующие» и «Ведущие» не будут воспринимать меня как преподавателя!

Темный кабинет главы Академии, личного советника таара Иргадема, изменил оттенок до светло-серого. Овальное помещение теперь напоминало кион, в котором родным доставляют тела убитых. Намек был недвусмысленным: на кого посмела голос поднять!

Я испуганно вздрогнула и невольно сделала шаг назад. На губах инора Осане промелькнула полная превосходства и некоторого садизма усмешка, заставляющая поверить в те ужасы, которые о нем рассказывали в кулуарах преподавательской, но когда он заговорил, голос был исполнен вежливого участия.

– Лирель, позвольте называть вас так, – проникновенно начал глава Академии, – мы с вами прекрасно знаем, что после последнего изменения политики партии нашего горячо любимого правителя таара Иргадема преподавателей «Истории становления Талары» стало значительно... меньше. Вам был предоставлен шанс войти в коллектив знающих Академии Ранмарн. Мы приняли вас как родную, мы обучили вас, вы стали членом нашей семьи. Сейчас ваша очередь сделать шаг во имя учебного заведения, где вам оказали честь! Вы справитесь, маноре Манире! Я верю в вас!

Вот и все. Серые как бетон глаза инора Осане смотрели пристально, даже с некоторой долей сочувствия, но непоколебимо. И что тут было сказать, кроме благодарностей и заверений в том, что высокое доверие будет оправдано?

Остался, правда, последний шанс:

– Позвольте лишь спросить, в расписании обучающих занятий у старших групп получаются накладки с младшей и первой средней, которые веду я, и...

– Не стоит беспокоиться, – нетерпеливо прервал меня глава Академии, – на два дегона эти группы отправляются на полевые учения!

Мой личный кион с глухим стуком захлопнулся. Еще раз смиренно поклонившись, я покинула кабинет инора Осане. За спиной с тихим шипением закрылась дверь, вынуждая поторопиться к лифту. Кабинет главы располагался на сто сорок четвертом этаже, венчая здание Академии Ранмарн, а комната преподавателей находилась на первом этаже, рядом со входом – наверное, чтобы знающие могли сбежать, когда все совсем надоест.

Еще раз взглянула на сеор с расписанием и глухо застонала – первое занятие у «Атакующих» через девять кан. Мне предстоит занятие с группой, которую я видела мельком раза два на построении!

Войдя в оге, прислонившись спиной к прохладному стеклу лифта, доехать до первого этажа. Пройти под полными сочувствия взглядами знающих к своему столу, взять сеор с планом занятия... для второй средней, потому как к занятию с выпускной группой «Атакующие» я, естественно, была не готова, и снова выйти к лифту. Лифт – все время применяю это древнее название к оге, впрочем, они сходны по действию, хоть и принцип другой: в оге может перемещаться до тысячи человек одновременно и на разные этажи, но вы будете ехать лишь с тем, кто вошел одновременно с вами.

Думай, думай, думай. О чем угодно, даже об оге, главное, не позволять страху и неуверенности охватить сознание. Я продолжала совершать механические действия, чтобы не предаваться панике. Взглянуть на себя в зеркальную стену, одернуть юбку, которая и так скрывает даже носки строгих туфель, поправить темно-синюю блузку с высоким воротом и широкими рукавами, стянутыми манжетами на запястьях – стандартная форма знающих: даже мужчины носили юбки, но иного покроя.

Лифт замер на отметке «восемьдесят восемь», пришлось, гордо подняв голову, проследовать на урок. Подойдя к двери, приложила сеор с расписанием уроков. Еле удержалась от горькой улыбки, когда дверь с тихим шипением ушла в сторону, пропуская меня в ад. Не то чтобы атакующие были жестокими или любили срывать уроки... просто те, кого называли «надеждой Талары», больше внимания уделяли предметам военным, напрочь игнорируя предмет «История становления Талары», вполне обоснованно считая его ненужным и лживым.

– Рада приветствовать атакующих старшего ранга! – не глядя на обучающихся, произнесла я, направляясь к доске.

Пройти по рядам под напряженное молчание, стараясь не смотреть на накачанные шеи и широкие спины, обтянутые черными мундирами, пытаюсь не замечать удивленные и гневные взгляды. Подняться на наран, подойти к столу, поставить на мраморную поверхность сеор с расписанием и сеор с планом урока. Ввести преподавательский код на панель управления доской и с вежливой улыбкой повернуться к обучающимся.

Это было страшно! Действительно страшно пытаться учить тех, кто сильнее, старше, во многом умнее и вообще не уважает предмет. Соберись, Лирель Манире, это твое первое обучающее занятие здесь, а их еще очень много впереди...

– Группа «Атакующие», встать и поприветствовать знающего! – Это точно я сказала?

Я умею говорить таким голосом?

Они подчинились, и грохот отодвигаемых стульев был немногим громче биения моего сердца. О, великие свидетели, за что вы так со мной?! Тридцать два обучающихся стояли, мрачно разглядывая... меня – мелкую по сравнению с ними девятнадцатилетнюю младшую знающую, которая была готова упасть в глубокий обморок под этими суровыми, неприязненными взглядами.

– Спасибо, садитесь!

И это снова выдала я, пытаюсь не смотреть им в глаза... а ведь это необходимо, нас этому еще в младшей группе учили. Необходимо поддерживать зрительный контакт с аудиторией, чтобы отслеживать действенность преподаваемого материала! Попыталась напомнить себе, что у меня лучшие результаты в группе, и вообще меня все обучающиеся любят, значит, должна справиться! Я и так держала голову высоко поднятой, а спину прямой, теперь нужно поднять глаза и посмотреть... А может, толкователи ошиблись, и линия знающих не моя? И вообще, меня в двенадцать хотели перевести в познающие искусство... Атакующие были воинами, уже неоднократно участвовавшими в сражениях. Они обучались в Академии Ранмарн, чтобы стать лучшими, а тут я... со своей «Историей становления Талары».

– Меня зовут маноре Манире, я младшая знающая и буду замещать старшего знающего Атанара два дегона. Итак, приступим к занятию.

Они подчинились и не проронили ни звука, но на лицах промелькнули победные ухмылки, многие начали переглядываться, некоторые писать сообщения. Проблема в том, что вся их переписка отражалась на моем столе сияющими надписями, о чем они были осведомлены.

«Агейра, прими поздравления!»

«Агейра, ты сделал это!»

«Осталось от этой пигалицы избавиться, и тогда они наконец уберут этот долбаный предмет из курса!»

Записи мелькали на моем столе, подписанные именами обучающихся, – молчать я не стала... может, и зря...

– Инор Тримере, инор Тео, инор Млен, встать! – В моем голосе прозвучали стальные нотки, все же постановкой речи знающие занимались с младенчества.

Эти трое почти один кан молча смотрели на меня, но я не отвела взгляда, и обучающиеся подчинились. А теперь начнем воспитательный процесс:

– Инор Тримере, все поздравления после окончания занятия, инор Тео, вас это также касается! Инор Млен, если у вас проблемы со слухом, я назначу повторную комиссию, и, возможно, дефекты восприятия не позволят вам оставаться в группе «Атакующих»! Если мои подозрения по поводу вашего слухового восприятия верны, повторяю еще раз. – И уже значительно громче добавила: – Меня зовут маноре Манире, я младшая знающая и буду замещать старшего знающего Атанара два дегона! Теперь вы расслышали?

Видимо, первое испытание на прочность я прошла, потому что обучающийся глухо ответил:

– Простите, знающая Манире, я все расслышал... еще в первый раз...

– Рада за вас! – Ликование подавила волевым усилием. – Все трое можете сесть и приготовьтесь использовать юан по назначению! – Пройти, встать за стол, начать делать записи, которые вспыхивают на доске за моей спиной. – Тема занятия: «Битва при Карадаре – уроки и последствия».

На столе вспыхнул красный огонек, подняла голову, посмотрела в правый угол аудитории, на того, кто попросил возможности задать вопрос. Я впервые увидела столь красивое лицо, но значительно больше меня поразил взгляд темно-фиолетовых, очень умных и проницательных глаз.

– Инор Агейра, у вас есть вопрос? Можете задать.

Он поднялся, и помещение сразу стало казаться мелким и незначительным по сравнению с его величием.

– Позвольте поправить вас, маноре Манире, мы остановились на изучении Сиарийской битвы, – произнесло это видение из девичьих грез и без разрешения опустилось на стул.

Быстрый взгляд на сеор и просмотр пройденных тем, затем ответ:

– Боюсь, вы ошибаетесь, инор Агейра, здесь указано, что вы прошли проверяющее занятие по Сиарийской битве, и сейчас по плану битва при Карадаре. – В его глазах появилось выражение абсолютного превосходства, и он вновь поднял руку. Пришлось прервать спектакль прежде, чем эта легенда группы успела сорвать занятие: – В любом случае, инор Агейра, вы сможете наверстать упущенное со старшим знающим Атанаром, а мы будем следовать учебному плану.

Милостивый кивок, словно это он здесь командует, а не я, знающая! Ладно, потерпим.

– Итак, вернемся к теме урока. Это был хмурый день, когда свинцовые тучи грозили разразиться не столько дождем, сколько крупинками льда, но командующий Ласвааль не отказался от планов и расположил войска клином. – Несколько штрихов, и на доске вспыхнул схематический план расположения войск. – Также было решено использовать лучевые войска, их поставили на подступах в ущелье.

Стол вновь вспыхнул красным, и снова это был вопрос от инора Агейра.

– Слушаю! – Я обязана быть сдержанной, но нотку раздражения себе позволила.

Подчеркнуто медленно эта белобрысая тварь поднялась, обвела взглядом класс и задала вопрос:

– Простите, маноре, но позвольте поинтересоваться, какое отношение свинцовые тучи, грозящие разразиться не столь дождем, сколько крупинками льда, имеют отношение к занятию по Карадарской битве?

Должна признаться, я всегда гордилась умением рассказывать так, чтобы обучающиеся прониклись моментом, чтобы почувствовали атмосферу, и это неизменно давало положительные результаты, так лучше запоминалось, а тут...

– Инор Агейра, – в моем голосе звучали только вежливость и учтивость, – позвольте мне вести обучение так, как я и Совет знающих считаем нужным. Вы не относитесь к знающим, поэтому, согласитесь, ваше мнение не может являться компетентным в вопросах преподавания. На этом все, садитесь.

Этот нахал вместо того чтобы подчиниться прямому указанию, позволил себе продолжить срывать занятие:

– При всем моем уважении к вам, маноре Манире, я не высказывал мнение, я лишь задал вопрос, от ответа на который вы демонстративно ушли!

Вежливая улыбка коснулась моих губ, я позволила себе улыбнуться благосклонно и с небольшой долей превосходства – всегда срабатывало с детьми и подростками, а тут реакция была иной. У Агейры правая бровь взметнулась вверх, улыбаться он перестал, зато в глазах промелькнуло нечто такое, что заставило мое сердце испуганно замереть. Одно я поняла точно – здесь приемы, отработанные в младших группах, не работают!

– Инор Агейра, после занятия я отвечу на ваши вопросы, если вы так сильно желаете улучшить свои знания в области техник обучения, а сейчас садитесь и постарайтесь более не прерывать меня!

К моему искреннему изумлению он сел, продолжая разглядывать меня с *тем же* странным выражением лица. Но все же сел, а значит, можно продолжить урок.

Я очень люблю процесс обучения, ту ауру, которая возникает в аудитории, когда дети, замирая, слушают мой голос. Нет ничего прекраснее блеска этих жаждущих знаний глазенок, в которых светятся интерес и любопытство. В рабочем квартале говорят, что знающим платят неподобающе много, но я понимаю, что большинство из нас работают не ради денег, а ради этого искреннего восторга в глазах обучающихся. И я люблю свою работу, горжусь тем, что знающая и мой долг дарить знания, ценю каждый миг обучающего занятия – потому что это моя Мечта.

И когда я начинаю говорить, это уже словно не я, это младшая знающая Манире, это знающая, которая несет свет знаний:

– Битва при Карадаре уникальна тем, что здесь впервые способствовал победе именно гений полководца. Командующий Ласвааль использовал и свои знания, и погодные условия, и... идею, которую не поддержал никто из его подчиненных. Запомните этот момент – все исполняли приказы командующего лишь из-за военного устава! – На доске вспыхнули схематические изображения основных моментов битвы. – Мы имеем стандартную схему «Сокол и клещи», идеальную на начало боевых действий, но вот начинается буря, и командующий Ласвааль вводит дополнительные наземные войска.

Это был мой любимый момент данной темы, сейчас на видео показывали, как из-под земли прямо в месиво вражеских войск врываются низкие стальные таге на воздушных подушках. С этого момента исход битвы был предreshен.

– Я хочу, чтобы вы уяснили один момент, – остановила изображение и повернулась к обучающимся, – в любой битве главное значение имеют тактика и стратегия, а также идея! Войска объединенных народов уничтожили благодаря идее главнокомандующего, с которой все были не согласны, но именно идея привела к победе. Битва при Карадаре одна из ключевых в Осаэсской войне, именно с этого момента наши войска начали серию победоносных сражений. А теперь запишем основные моменты и даты и вернемся к изучению обучающего материала.

Мгновения триумфа, когда вся группа заинтересованно смотрела на меня и внимательно слушала, закончились. Первым поднял руку инор Тео с чуть раскосыми карими глазами, темной загорелой кожей и длинными волосами сиреневого оттенка. Вторым инор Гаме, зеленоглазый, светлокожий, с зелеными волосами. Не думайте, что волосы у них от природы такие, просто атакующие всегда в черном, строгий устав лишь прическу оставил на усмотрение военных, поэтому в этой группе имелось шестеро с малиновыми волосами, двое с ярко-оранжевыми, остальные меняли оттенки шевелюр от белоснежного до серебристо-серого. Не скрывали черного оттенка волос лишь трое – «Соколы Аране», группа, которая в любых военных схватках держалась вместе, и их действия были отработаны до автоматизма. Пожалуй, еще одним, не скрывающим своего цвета волос, был Агейра, но тот даже не красился, и в мочке его уха блестяла одна-единственная серьга, в то время как остальные любили себя украсить. И вот именно Агейра внезапно склонился к своему столу, и у всех вспыхнула одна-единственная запись: «Не мешайте знающей вести занятие!» Удивление, появившееся в глазах атакующих, не шло ни в какое сравнение с моим искренним удивлением. Поблагодарив обучающегося признательным кивком, я продолжила урок.

Под диктовку атакующие записывали даты и события, я же давала необходимые пояснения. На моем столе вспыхивали строки, сообщающие, кто сделал ошибки при записях, их необходимо было скорректировать в процессе:

– Инор Алин, исправьте ошибку в слове «договор». Инор Сарн, год семь тысяч шестьсот девяносто восьмой, а не семь тысяч шестьсот восемьдесят девятый! Инор Тео, две ошибки в слове «репарация»! Атакующие, знание грамматики у вас нуждается в значительной доработке.

Я завершила преподавание нового материала в рекордные сроки, а до конца занятия еще оставалось девятнадцать кан. По плану урока далее шла игра на закрепление материала. Мы с детьми игры обожали, они всегда ждали момента, когда я скажу: «И так как вы сегодня просто замечательно себя вели и великолепно усвоили материал, давайте поиграем». Менять прием закрепления полученных знания я не видела смысла, во-первых, все было выверено, и именно игровой метод предусматривался по плану, во-вторых, а что мне еще было с ними делать девятнадцать кан? Подняла голову, обвела группу шальным взглядом и тихо изрекла:

– Так как вы сегодня просто замечательно себя вели и великолепно усвоили материал, давайте поиграем!

Они действительно думали, что уже разучились удивляться? Сердце мое замерло, но профессиональная привычка держать лицо и сохранять спокойствие, даже если за стеной пожар, выручила и на этот раз.

– Игра очень простая и великолепно позволяет закрепить пройденный материал. Итак, мы сейчас встанем, поделимся на две команды. Ваша главная задача добежать до доски и написать правильный ответ. Я даю по одному икату на каждую команду. – Они все так же взирали на меня, как на сбежавшую из Дома лечения. Пришлось подбросить «пряник». – Те, кто побеждает, освобождаются от домашнего задания, а проигравшая команда будет писать работу на тему «Предполагаемые итоги поражения Талары в битве при Карадаре». Размер не менее трех листов на сеоре!

Вот теперь они вдохновились моим предложением поиграть и, поднявшись, отошли на шаг от столов. Нажала на панель, и учебные места с тихим шипением втянулись в пол, оставив пространство для игры.

– Выберите капитанов команд, – уже менее уверенно проговорила я, осознав, что передо мной не дети.

Ко мне подошли... Агейра и темноволосый инор Даган из тройки «Соколы Аране». Ну да, как и везде, в группе имелся формальный лидер – Даган, прославленный в битвах, и неформальный лидер – Агейра. Хуже всего то, что лидеры находились в ярко выраженном конфликте, а это не обещало сделать обучающий процесс легким.

– Ранмарны, – протянула обоим по икате, – предупреждаю – за шум и выкрики с мест количество баллов снижается!

Рост у меня чуть выше среднего, но я испытала несколько не слишком приятных моментов, когда проследовала в конец аудитории, чтобы лучше контролировать обучающихся, потому что абсолютно все в этой группе были выше меня на голову как минимум! И как-то не чувствовала я себя здесь в безопасности...

Дойти до конца помещения, развернуться и поймать на себе изучающие взгляды тридцати пар глаз (потому что две пары глаз недружелюбно уставились друг на друга... капитаны команд). В этой группе больше никаких игр!

– Все приготовились? – радостно улыбнулась я. – Первый вопрос: в каком году произошла битва при Карадаре?

Это не было командной игрой! Это было сражение между Агейрой и Даганом. Лидер «Соколов Аране» метнулся к доске первым, но Агейра ловко подсек его и, совершив невероятный кульбит с кувырком в воздухе, оказался у доски первым, мгновенно написал верный ответ. И все это в абсолютной и благопристойной тишине!

– Первый балл за командой инора Агейры, – еле слышно произнесла я, – вернитесь на место.

Устало прислонившись к стене, поставила палочку первой команде, счет тут же отразился на доске.

– Вопрос второй, – уже почти дрожащим голосом произнесла и очень тихо добавила: – Как назывался договор, заключенный командующим...

Договаривать не имело смысла, потому что Агейра уже метнулся к доске, перескочил преградившего ему доступ Дагана, извернулся и, совершив еще один прыжок, написал верный ответ.

Они превратили безобидную игру в весьма... небезобидное сражение!

– Балл первой команде. – Так хотелось сесть и поплакать, но пришлось держать себя в руках. – Атакующие, я понимаю, что вы не привыкли к командной игре, но все же... Давайте усложним процесс – отныне капитаны не могут отвечать. Привыкайте работать в команде!

О Великие Свидетели, что же я делаю? Лучше бы Агейра и Даган соревновались между собой, чем вот так... Едва прозвучал третий вопрос, как началось сражение, не уступающее Карадару! Нет, они не дрались, и тишина стояла оглушающая, но прорваться к доске не было никакой возможности, так как обе команды не позволяли членам другой написать ответ.

– Так, хватит! – Гневной меня на занятиях видели редко, но если видели... – Это соревнование в знаниях, а не в умении удерживать соперника! Разошлись, немедленно! – Тридцать два здоровых военных хмуро посмотрели на одну маленькую меня, но подчинились.

Быстро дошла до стола перед доской, задала новые параметры – теперь аудитория была разделена на две половины сияющей стеной.

– Надеюсь, с этого момента соревнование примет более подобающую форму! Третий вопрос – количество актов, подписанных после битвы при Карадаре!

По обе стороны от стены метнулись две черные тени, едва не снесли меня, почти одновременно на доске высветились два верных ответа... Вторая команда была на долю секунды быстрее – ей балл и засчитался.

Медленно, напряженно следя за атакующими, отошла подальше от доски и прочитала следующий вопрос. Ответ на него был дан еще до того, как я успела дочитать. На этот раз снова команда Агейры. А обучающиеся вошли во вкус! Перешла к предстоящей контрольной по Карадару и начала быстро читать вопросы, оставив подсчет доске. Через несколько кан и я азартно следила за игрой, и уже невольно забывшись, поддерживала команды:

– Первая команда вырвалась вперед... снова. Вторая команда, что ж вы так, где ваше рвение? Инор Даган, к следующему занятию проведите воспитательную беседу. И... а-а-а, счет двенадцать – одиннадцать, вторая команда, еще рывочек. Счет тринадцать – четырнадцать, инор Агейра, мне стыдно за вас! Счет двадцать два – двадцать два, обе команды молодцы! – до конца занятия оставался лишь один кан, и последний вопрос должен был стать решающим. Суть в том, что за время этой игры я прогнала все вопросы из контрольной, а обычно вопросов для игры было всего десять. Впрочем, самое время дать возможность ответить командирам. – Инор Даган и инор Агейра, на последний вопрос можете давать ответ и вы, на вас ляжет ответственность за поражение или победу вашей команды. Согласны? – Оба командира кивнули, впрочем, судя по сверкающим глазам, азартом здесь заразились все. – Отлично, командиры в конец класса, икате держим в руках.

Агейра и Даган, схватив по грифелью, медленно прошли к дальней стене, не сводя взглядов с друг с друга, затем развернулись и напряженно замерли. Момент был интересный.

– Последний вопрос, – произнесла нарочито неторопливо, – количество войск, участвующих в нападении с тыла при Карадарской битве! – выпалила я на одном дыхании, и все повернулись к командирам.

На этот раз они не торопились, видимо вспоминали цифру, которую я произнесла лишь раз, и вообще в контрольной это задание шло как очень сложное.

– Ну же, инор Агейра, инор Даган! Теперь все зависит только от вас! – Мне действительно было безумно интересно узнать, кто победит, хотя подсознательно я болела за Агейру – все же каждый из знающих имеет своих любимчиков, хоть это и запрещено. – Занятие почти на исходе, атакующие!

Агейра метнулся к доске первым, Даган отстал лишь на долю секунды, и тут атакующих понесло – начались выкрики с мест, все вопили имя командира, подбадривали, проклинали предводителя соперников. Совершив немыслимый рывок, Даган опередил Агейру, но светло-волосый сделал подсечку, провел странный боевой прием и оказался у доски первым... Даган написал свой ответ на мгновение позже, но именно его ответ был верным.

– Правильный ответ у второй команды, – с улыбкой произнесла я, – поздравляю!

Сигнал окончания занятия слился с разочарованными и довольными выкриками, переросшими в гул. Даган победно смотрел на расстроенного Агейру, тот вглядывался в свой ответ, теперь это были те самые ребята, которых я привыкла обучать.

– Инор Агейра. – Подошла ближе, положила руку на его плечо. Жест был выверенным и выражал дружескую поддержку и участие. – Не стоит отчаиваться, наверстаете на следующем уроке.

То, что произошло дальше, повергло меня в шок – неувловимым движением Агейра схватил мою руку, поднес ее к губам и, нежно поцеловав, тихо произнес:

– Если за поражение я буду получать подобную награду, – еще одно прикосновение губами к поледеневшим пальцам, – то я готов проигрывать каждое занятие...

И это на глазах у всей группы, которая на подобное отреагировала как на нечто весьма интересное, но вполне обыденное. Даган же стоял с презрительной усмешкой. Мой характер, с которым работали лучшие читающие души, дал о себе знать:

– Инор Агейра, а старшего знающего Атанара вы доводили такими же методами? – Вопрос был задан самым невинным тоном, но результат не заставил себя ждать – Агейра мгновенно отпустил мою руку и отступил на шаг. – Домашнее задание проигравшей команды ожи-

даю завтра утром, за два акана до занятия, естественно! – Отвернувшись, подошла к столу, собрала свои вещи, выключила доску, вернула аудиторию в прежнее состояние, вновь повернулась к атакующим: – Благодарю вас за занятие, все свободны.

И в абсолютной тишине покинула группу, радостно улыбаясь своей маленькой победе. Улыбка несколько померкла, когда я вспомнила, что впереди еще занятие с ведущими.

Снова лифт и спуск на первый этаж. Для группы «Ведущие» использовалась и другая программа и другие методы преподавания.

– Маноре Манире, – окликнула меня старшая знающая по логистике, – как вы?

– Ох, маноре Иллина, – села на край стола, с благодарной улыбкой приняла чашечку с дымящимся паеро и сделала блаженный глоток, – сложно, очень сложно. У меня все методики рассчитаны на другую возрастную группу, а тут... Сложно...

– Вам стоит попросить у главы Академии планы и наработки старшего знающего Атанара, – мягко посоветовала Иллина.

– Да, несомненно, вы правы, но это после, ведь потребуется время на изучение и согласование, а сейчас еще занятие с ведущими...

– Удивлена решением главы Академии, – грустно и задумчиво произнесла шатенка средних лет и длинными пальцами с ухоженными ноготками забрала у меня пустую чашку. – Ранее в выпускных и старших группах преподавали лишь знающие мужского пола.

– Можете представить себе степень моего удивления, – печально произнесла я, – благодарю за участие.

К «Ведущим» требовалось прибыть до начала занятия, и вообще, эта группа в каждом потоке находилась на положении элиты, как, впрочем, и «Атакующие». Выйдя за пределы преподавательской, я тревожно вглядывалась в сеор, с ужасом понимая, что занятия в каждой группе будут ежесуточными за исключением двух дней отдыха.

Шелест открываемых дверей оге и топот маленьких ножек заставил поднять голову от сеора и улыбнуться детям.

– Маноре Манире! – Из распахнувшегося лифта ко мне бежали мои самые обожаемые ученики – младшая группа. – Маноре Манире, у нас полевые занятия!

– Мы летать будем! – завопил вихрастый темноволосый Винеси, подбежал ко мне первым и радостно обнял.

– Я всех арарсар убью! – закричал подбежавший следом Тинко, тоже прижимаясь ко мне.

– Два дегона летать будем! – Это малышка Ариси с розовыми кудряшками, моя любимица.

Сорок семь двенадцатилетних шалопайчиков, моих самых любопытных, любимых и непредсказуемых обучающихся из второй младшей группы. И я радостно кивала каждому, ахала и охала вместе с ними и безумно радовалась их радости, стараясь уделить внимание всем и каждому. В результате посреди холла образовалось столпотворение, центром которого была я, но меня это ничуть не смущало. В отличие от других знающих.

– Маноре Манире, – старший обучающий Рхан прервал наше восторженное общение, – нас ожидает катер.

– Простите, инор Рхан, – кивнула я и обратилась к детям. – Вам пора. Ведите себя хорошо, и чтобы я всеми могла гордиться. Иниан, смотри без шалостей! – Рыженький мальчик насупился, но все же кивнул в ответ, а я уже знала, что если он даст слово, то сдержит. – Риной, следи за Орди и Бинге. – Глава группы, самый серьезный из них, усмехнулся в ответ – типа «и сам знаю». Судя по показателям обучаемости, ему предстояло стать атакующим.

Помахав ребятам на прощание, я поспешно направилась к лифту. Уже собираясь войти в кабину, оглянулась на детей в последний раз и натолкнулась на внимательный, задумчивый взгляд стоящего у преподавательской Агейры. С каких это пор атакующие спускаются на первый этаж в перерывах между занятиями? К арарсар атакующих, впереди занятие с ведущими.

Устало посмотрев на себя в зеркальную стену кабинки, поправила локон, выбившийся в период обнимашек с детьми. При воспоминании о младших на лице невольно появилась улыбка – обожаю этих деток, мы на каждом занятии придумываем что-то новое, в результате знания схватывают на лету, не зря почти у всей группы по «Истории Талары» высшие баллы. Локон был безжалостно закреплен, и я улыбнулась своему бледному изображению. Знающим запрещено краситься, менять прическу, менять стиль одежды, менять обувь. Серость и безликость – вот наше кредо, ибо мы должны привлекать сердца обучающихся знаниями, а не красотой. Меня отобрали в шесть лет, к двенадцати встал вопрос об отчислении – внешность неподходящая. Моя старшая сестра была определена в познающие искусство с пяти лет, с ее красотой это было неудивительно, а мы так похожи. И меня бы отчислили, но высокие баллы и мое направление специализации заставили отбирающих пойти на маленькую хитрость. Меня оставили, но рекомендовали использовать косметику – специальный крем, скрывающий естественный цвет кожи, придающий ресницам и бровям серый оттенок. Вот теперь я не выбивалась из общей массы, а значит, соответствовала облику истинной знающей. Я не испытывала огорчения по поводу внешности, ну разве что лишь в те моменты, когда в родительском доме появлялась Олини, затмевающая все вокруг сладким ароматом духов, яркими, цветными тканями и чарующим смехом. Познающие искусство и сами были подобны шедевр – красивые, яркие, привлекающие внимание. Олини пела, на ее концерты собирались тысячи поклонников прекрасного голоса и таланта, да и сама сестричка не была обделена вниманием.

Лифт остановился, что заставило собраться и решительно направиться в нужную аудиторию. Никогда не жалела о своей судьбе, мне нравилось обучать, и я действительно любила детей... Жаль, что с моей специализацией внезапно оказалась слишком ценным кадром, чтобы меня могли оставить в младших группах. И в результате в мои девятнадцать в начале года обучения меня сорвали с собственных лекций и направили в Академию Ранмарн города Исикаре, причем не на практику, а на полноценную работу. А ведь до окончания обучения оставалось шесть лет... Возможно, я смогу доучиться позже, а возможно, мне придется познавать азы теории на практике и изучать ее в свободное время под руководством курирующего.

Оге остановился на отметке восемьдесят восемь – практически все выпускные группы обучались здесь. Прошла по коридорам, под удивленными взглядами многочисленных групп фланговых, наблюдающих, прикрывающих. Стояли здесь и малочисленные в сравнении с остальными атакующие, мимо них я так же прошла с уверенной осанкой и полной благожелательного расположения улыбкой.

Аудитория группы «Ведущих» располагалась в центре кругового шайгона, подчеркивая их значимость для Талары.

Ведущие встретили меня подчеркнуто вежливо. Двадцать шесть рослых молодых мужчин в ярко-красных мундирах, с коротко стриженными темными волосами, квадратными подбородками, правильными чертами лиц, широкими плечами. Истинные лидеры, за которыми в атаку устремятся сотни и тысячи подающих, фланговых, тыловых, следующих, разведывающих... Не устремятся вслед за ведущими лишь атакующие – эти вольные птицы-одиночки, которых учат выживать и побеждать... любой ценой!

И все же среди ведущих я чувствовала себя уверенно – эти не станут срывать занятие, да и поведение здесь более чем консервативное... во всем. Но легкий трепет испытала: ведущие – это мечта каждой девушки, потому что стать спутницей жизни ведущего значило обеспечить себе безбедную жизнь, полную любви и внимания супруга. У ведущих никогда не было разводов, они оказывались превосходными отцами, их уважали и боготворили, они были воспитаны иначе... чем все остальные. Именно из них формировалось высшее военное начальство, да и во главе нашей планеты стоял выходец из ведущих – таар Иргадем. И не то чтобы остальным доступ к власти был запрещен, просто их этому учили, а остальных – нет. Исключения были, но они лишь подтверждали правило.

Итак, пройти к доске, ввести код на панель управления, получить доступ, положить оба сеора и, выпрямившись, произнести:

– Приветствую лучшую группу Академии Ранмарн! – Это было важно, всегда поддерживать их значимость и статус, от знающих этого требовали неукоснительно. – Меня зовут маноре Манире, я младшая знающая и буду замещать старшего знающего Атанара два дегона. Мне безумно приятно находиться здесь и передать вам ту часть знаний, которой я обладаю. Садитесь.

Сейчас, глядя на этих, несомненно, красивых, серьезных и очень внимательных обучающихся, я не испытывала угрызений совести, а вот когда такое говоришь деткам... А ведь ведущих отбирали с трех лет путем долгих проверок и тестов и в дальнейшем отсеивали... тех, кто не вышел ростом и внешностью, тех, кто не был готов слепо подчиняться, тех, кто принимал слишком поспешные и невыверенные решения, тех, кто не набирал достаточное количество баллов... неблагонадежных. Вот и эти, явно вначале их было более трехсот в группе, теперь осталось всего двадцать шесть... зато все уже с нашивками сотенных, тысячных, а трое даже десятитысячных. Точнее не так, двое исполняющих обязанности десятитысячных, на их алых мундирах символы JE-нкора нейтрально-серые, а вот у сидящего в третьем ряду ведущего с чуть раскосыми темными глазами знак десятитысячного отливает алым – значит, он действующий десятитысячный не менее трех полных оборотов Талары. Достижение, достойное восхищения.

– Приступим к занятиям!

На мою реплику они отреагировали спокойно, всем своим видом выказывая желание начать обучение, поэтому мелькнувшая на моем столе запись меня более чем удивила:

«Лирель, ты что на моську намазала?!»

Окинула аудиторию несколько удивленным взглядом, и улыбка едва не появилась на моем лице: Санорен Эстарге. Лучший друг моего старшего брата и моя безумная детская любовь, окончившаяся слезами и истерикой, когда «взрослые мальчики» хотели посмотреть серьезное видео без всяких «соплюшек» и выставили меня, такую влюбленную и довольную нахождением рядом с героем, из комнаты. Читающие души говорят, что детские обиды не забываются – увы, вынуждена согласиться, хоть давно простила и все поняла, но любовь моя к герою в алом мундире прошла окончательно. Как оказалось, это и к лучшему – в отличие от остальных знающих, я перед ведущими не робела и относилась к ним спокойно.

– Насколько мне известно...

Героически попыталась проигнорировать следующую запись: «Элька, это же я, Саня, не узнала? По глазам же вижу, что узнала, еле сдерживаешься, чтобы не улыбнуться!»

Это было уже невыносимо, взяла себя в руки и строгим голосом произнесла:

– Инор Эстарге, по вопросу детских воспоминаний можете подойти после окончания занятий!

– Так долго ждать? – возмущенно выкрикнул Санька, белозубо улыбаясь.

Глаза мои чуть сузились, и это был единственный признак вполне обоснованной ярости – здесь я знающая, а значит, обязана «держать лицо», и он об этом прекрасно осведомлен.

– Передам вашей матушке, что буду иметь честь видеть вас ежедневно последующие два дагона! – с коварной улыбочкой изрекла я и с затаенной радостью увидела, как изменилось выражение его лица.

– Прошу простить меня, маноре Манире, – хмуро изрек герой моих детских фантазий, – вероятно, я ошибся и был неправ.

– Принимаю извинения! – Конфликт должен быть погашен раньше, чем у обучающихся возникнет к нему интерес. – Итак, тема нашего занятия: «Битва при Карадаре». Цель: изучить основные факторы, повлиявшие на решение командующего Ласваала, его методики в отношении личного состава, итоги и последствия сражения. Приступим к изучению материала. Это

был хмурый зимний день, и командующему Ласваалю пришлось столкнуться с общим неудовлетворительным состоянием личного состава. Для поднятия боевого духа он использовал следующие методики – воззвание к моральным ценностям (защита семьи, родины, страны), повышение мотивации, прямой приказ, требующий беспрекословного подчинения в соответствии с Военным уставом Талары...

История – она всегда такая разная. Ведущим она преподавалась как история побед решительных и сильных людей, атакующим – как история сражений и поражений, логистам – как идеально выверенный расчет, как закономерность, и много раз вдалбливался тот факт, что история всегда повторяется. Для всех остальных преподавание «Истории становления Талары» было универсальным, но преследовало одинаковые цели – заставить верить, что наше государство лучшее и равных ему нет, что мы непобедимы, что мы всегда умнее и значимее всех.

И подобная идеологическая политика давала свои результаты – жители планеты были абсолютно убеждены, что все открытия совершены таларийцами, все изобретения сделали на Таларе, что самое лучшее вооружение у нас, что культурные достижения нашего народа не имеют аналогов во вселенной, что любой, кто придет к нам с оружием, будет рано или поздно уничтожен. Последняя догма была особенно актуальна в свете затянувшейся и далеко не победоносной войны с арарсар. Арарсар – мы так мало знали о тех, кого называли врагами, впрочем, с некоторых пор все враги Талары были объединены этим названием. Когда я начинала обучение, учебники были одни... за одиннадцать полных оборотов Талары они сменились трижды, последний раз в начале этого учебного года. Многие из знающих не пожелали следовать идеологии правящей партии... их отправили на передовую, им на смену бросили нас – недоучек-максималистов, свято верящих в непогрешимость таара Иргадема.

Я утешала себя тем, что преподавала историю, пусть это была и обрезанная правда, но все же лучше, чем ничего. Еще утешала себя тем, что каждый народ должен свято верить... в себя. И эта вера в силу таларийцев заменила нашему обществу веру в богов, ведь правительство признало их «детской фантазией», а никто не хочет казаться глупым ребенком. И мы все казались, а не были! Мы учились «держатъ лицо», защищали ценой жизни «честь мундира» и всем миром порицали индивидуальность и желание быть не такими, как все. Исключение составляли лишь познающие искусство и атакующие – им позволялось выделяться из толпы. Еще одним исключением считались ведущие, но они были прирожденными лидерами, и серая, безликая толпа слепо шагала за кумирами в алых мундирах. Мы свято верили в свою непогрешимость и правильность, мы не допускали даже мысли, что наши догмы и аксиомы ложны...

Это были лишь мысли, мои глупые мысли, которые я гнала по ночам, а утром и сама верила в величие Талары – если нет веры, смысл жизни теряется. Стоя перед элитой таларийских войск, я рассказывала о действиях непогрешимого командующего Ласваалю... Однажды старший знающий Тогоре с горькой усмешкой начал рассказывать, что Ласвааль был пьяницей и домогался подчиненных... Больше мы знающего Тогоре не видели!

Стол вспыхнул красным. Бросила взгляд на расположение обучающихся, схематически отраженное на наране, и прочитала имя попросившего возможности задать вопрос: Киен Шао. С вежливой улыбкой кивнула инору Шао, вероятнее всего, сыну командующего подразделением «Черного клина» Отнара Шао, позволила задать вопрос.

Ведущий не поднялся, им позволялись и эти вольности, возвеличивающее их над остальными обучающимися.

– Маноре Манире, в свете изложенных фактов должен признать, что командующий Ласвааль неоправданно рисковал личным составом. Учитывая количество имеющихся в распоряжении войск, у него была возможность построить личный состав в комбинацию «Парящий осценге» и таким образом значительно снизить потери людей и техники!

Прежде чем ответить, вспомнила, что он здесь именно действующий десятитысячный, единственный в группе, поэтому и ответ должен подчеркивать его значимость и достижения:

– Инор Шао, мне ваше решение кажется вполне логичным и верным, однако не будем забывать, что история не терпит сослагательного наклонения, и мы не можем изучать ее в направлении «а если бы»! И все же мне ваш вариант действительно нравится, и я также считаю его более целесообразным в указанной ситуации, – с ласковой улыбкой завершила я.

Мы обязаны хвалить ведущих при любой возможности, придавая им уверенности в себе. Еще раз взглянула на Шао – умное лицо справедливого командира, решительный взгляд, выверенные движения – истинный лидер, за таким не размышляя идут в огонь, воду и космос. Теперь и в этой группе у меня будет свой любимчик.

Занятие мы завершили к сигналу об окончании, я едва успела продиктовать названия мемуаров трех военных для изучения в качестве домашнего задания.

– Благодарю за занятие, – с вежливой улыбкой произнесла обязательное и от себя добавила: – Мне очень понравился вопрос инора Шао, в дальнейшем ожидаю подобных и от остальных членов группы. Все свободны.

Дождавшись, пока обучающиеся покинут аудиторию (это еще одно отличие по отношению к «Ведущим»), я начала собирать вещи, отключила управление доской, ввела код в наран, сложила сеоры стопочкой.

– Ну ты и вредина! – Санька, радостно улыбаясь, ждал меня у двери.

– Зайди-ка и дверь закрой, – подчеркнуто ласково попросила я.

Эстарге с ликующей ухмылкой отошел от стены и подождал, пока она с легким шипением сольется с полом. Я тоже ждала именно этого момента.

– Слушайте, инор Эстарге, – Санька обиженно засопел, – я тут знающая! *Знающая!* Вам это о чем-то говорит?

– Элька, – он подошел ближе, обиженно посмотрел, и это выражение на его лице так не подходило общепризнанному герою, – Лирель, ну я так рад видеть тебя.

– Видеть вас, маноре Манире! – занудным тоном поправила его. – Это раз, а второе... Санька, совесть имей, а! Мне и так непросто, меня бросили как в огненный вихрь на ваши две группы, сняв с прежнего расписания. В результате у «Атакующих» Агейра сильно умный и достает, думала, у «Ведущих» поспокойнее будет, а тут ты едва занятие не сорвал.

– Извини, – он умопомрачительно улыбнулся и подал руку, помогая спуститься с возвышения у доски, – я так обрадовался, когда увидел тебя, что просто не удержался. А ты хорошо ведешь занятия, раньше было скучно.

– Разве ведущие умеют скучать? – лукаво спросила я, искренне любуясь героем моего детства.

– Мы умеем этого не показывать. А что там с Агейрой? Этот хмырь всех умудрился достать.

– Разберусь, – пожала плечами, – он всего лишь обучающийся, главное, подобрать верную методику.

Санька открыл двери, и мы вместе пошли к лифту, сохраняя на лицах невозмутимые выражения. Странно, Агейру я впервые увидела в группе «Атакующих» в начале учебного года, когда они ровным строем поднимались наверх – выделялся он чем-то из общей массы, хоть и не было у него ярко-малиновых волос, – но с тех пор второй раз увидела только сегодня на занятии у «Атакующих». А сейчас заметила уже третий раз за день со скучающим видом стоящего у лифта. Неужели ранее я на него не обращала внимания? Странно, но, с другой стороны, закономерно – раньше он не был моим обучающимся.

– Ты домой сегодня? – тихо спросил Санька, следуя за мной в кабину лифта.

– Ага, маме твоей ничего не скажу, не бойсь, а не то буду в академию таскать тебе «жареного табаса да мясика».

Мы весело рассмеялись, потому что маниакальное желание маноре Эстарге накормить своего сыночка-героя давно стало поводом для беззлобных шуток в наших семьях.

– Так, а что ты на лицо-то намазала? – поинтересовался Санька, проведя по моему подбородку и уставившись на серый налет на собственном пальце.

– Это в целях конспирации, – подмигнула я другу, – чтобы никто не догадался, сколько мне лет, и не выгнал из Академии Ранмарн.

Если бы Санька не являлся ведущим, он бы повелся, как и все мои знакомые, но Эстарге дураком не был:

– А, понял, ты же симпатичная и в образ серой и безликой знающей не вписываешься, а знающих «Историю Талары» сейчас мало осталось, вот и не пожелали начальники терять такой ценный кадр.

– Какой ты умный, – не удержалась я от иронии.

– Но, Элька, ты такая мелкая, как тебя к нам поставили?

– Добровольно-принудительно! – Я тяжело вздохнула: – С малышами мне больше нравится проводить занятия.

– Значит, снова эксперименты ставят, – хмуро подытожил Санька, – а преподаешь ты потрясающе и очень интересно, не ожидал, что у Сана такая сестричка вымахает.

Сан и Санька – они всегда были друзьями, вот только дорожки их разошлись. Мой братец стал исследующим, и так как разрабатывал оружие, мы много лет его не видели, а Санька выбился в ведущие, такие, как он, всегда на виду.

– Все, бывай, – подмигнула я Саньке и вышла из лифта, Эстарге поднялся наверх.

* * *

В преподавательской было пусто, только знающий исчисление вежливо кивнул мне в знак приветствия. Ответив ему улыбкой, я бросила оба сеора на свой стол и прошла в комнату омовений. Быстро раздевшись, встала под теплые струи, затем переоделась в свою обычную одежду, на этот раз светло-бежевый брючный костюм, в котором было так удобно в теплое время, распустила волосы и вышла в преподавательскую. К этому времени началось очередное занятие, поэтому я не опасалась встретить обучающихся и могла спокойно отправляться домой. В другое время я бы осталась еще на несколько акан, чтобы подготовить урок на завтрашний день, но сегодня... слишком устала, это раз, и, судя по сообщению, мелькавшему на моем столе, методики и планы занятий для «Атакующих» и «Ведущих» мне передадут только утром. Следовательно, занятие на завтра придется готовить самостоятельно.

Захватив сеор с собственными разработанными планами занятий, я, весело напевая, покинула преподавательскую через выход для знающих и направилась на остановку мигана.

На улице была чудесная погода, ветер играл с моими распущенными волосами, и я чувствовала себя очень счастливой, оттого что справилась и оправдала высокое доверие и, вообще, провела занятия достойно. И еще очень радовали слова Саньки – всегда приятно, когда тебя искренне хвалят. Казалось, счастливое пение всей моей сущности сливалось с пением машин и моторов, рокотало песней отбойных ломателей, взрывалось раскатами отдаленного грома и стрекотало тысячей плывущих по мигану перемещателей. Наш техногенный мир был в апогее своего развития, а все развивающееся всегда прекрасно.

Идиллию нарушило очень знакомое:

– Маноре Манире!

Невольно вздрогнув, обернулась на голос и увидела улыбающегося Агейру. Моя реакция соответствовала моей профессии:

– Инор Агейра, как вы можете прогуливать занятия? Неужели вы не понимаете, что обучаться вам осталось всего три дегона? Вы должны использовать каждый день, впитывать каждую частичку передаваемых вам знаний! Обучение, инор Агейра, это сложный многоступенчатый процесс... как строительство космолета. Пропустить одно занятие – все равно что

пропустить приварку ходовой части – рано или поздно космолет рассыпется. Так и с вами. Недопустимо игнорировать занятия, инор Агейра, вам должно быть стыдно!

Я была возмущена и не пыталась скрыть данную вполне справедливую реакцию. Темно-фиолетовые глаза потемнели еще сильнее. Он хотел что-то сказать, но на губах мелькнула горькая усмешка, и, чуть склонив голову, Агейра произнес:

– Простите, маноре Манире, вы совершенно правы.

– Рада, что вы это осознали. – В этот миг как раз пришел вызванный мною перемещатель, и я решила пропустить ту часть высказывания, в которой требовалось продемонстрировать порицание. Протянула руку, коснулась его ладони: – Мы все совершаем ошибки, но главное уметь их принять и осознать. Ступайте на занятия, инор Агейра.

Благожелательно улыбнувшись атакующему, села и забыла об обучающемся, сконцентрировавшись на вводе данных. На повороте, значительно отделившись от высокого серого здания Академии Ранмарн, невольно обернулась и увидела все еще стоящего у мигана Агейру, задумчиво глядящего мне вслед. Он так ничего и не понял! Нужно будет связаться с курирующим Вейдо и обсудить данную ситуацию.

* * *

– Доложите результаты! – Главный проверяющий Талары, инор Шиеро, сложив пальцы домиком, внимательно смотрел на бледнеющего под столь пристальным взглядом главу Академии Ранмарн.

– Маноре Лирель Манире определенно вызвала интерес в обеих группах, но на решительные действия отважился лишь Алес Агейра...

Лицо проверяющего покраснело от гнева:

– Агейра проверен лучшими специалистами, он чист! А мне нужно найти того, кого они внедрили!

Знающий третьего танра инор Осане невольно вздрогнул, но не высказать собственного мнения не мог:

– При всем моем уважении, инор Шиеро, маноре Манире не подходит на роль «приманки». Эта девушка прирожденная знающая, она не допустит ничего личного с учащимися, и более того, с двенадцати лет состоит в отношениях с Шенондаром Кисаной.

Инор Шиеро вежливо улыбнулся и включил видео из лифта. Просмотрев запись, глава Академии Ранмарн удовлетворенно кивнул:

– Только дружеские интонации и жесты, даже вы не можете этого отрицать!

– Да. – Шиеро коварно улыбнулся. – Но известно ли вам, что Лирель Манире перенесла в детстве психологическую травму, связанную с Санореном Эстарге, вследствие чего совершенно не испытывает трепета перед ведущими.

– Да, я видел отчет читающих души, не могу назвать это травмой. Мы с вами в свое время были влюблены в Фею Роз, но это не мешает нам восхищаться познающими искусство и сегодня. Лирель Манире очень ответственный работник, у нее высокие показатели во всех группах и особо выдающиеся показатели в младших группах. Во всех рекомендациях от обучающихся значится: «Для младших групп»...

Шиеро устало махнул рукой, прерывая собеседника, и тоном, не терпящим возражений, добавил:

– Лирель Манире прекрасная молодая девушка, это должно сработать и без проявления инициативы с ее стороны. Таар Иргадем ждет от меня результатов, и ждет их давно. Если в течение дегона результатов не будет, тогда мы смоделируем ситуацию, но столь же органично, как и в этот раз. Они ничего не должны заподозрить! Продолжайте наблюдение, инор Осане!

* * *

Перемещатель мчал меня по прозрачной трубе мигана. Наша линия была одной из самых красивых в Исикаре. Особенно здорово было перемещаться ночью, когда все сияло тысячами огней, но даже днем взлеты и падения над огромным промышленным городом вызывали восторг. В начале пути наша тридцать шесть тысяч семьсот тридцать вторая линия шла под городом, затем резко взмывала вверх над спиралевидным зданием Академии познающих искусство и снова падала вниз, едва ли не касаясь военного завода Тишису, производящего двигатели для рикаргов. После миган снова совершал головокружительный пируэт и проходил у самого пищевого завода. Иногда я выскакивала именно здесь, если ма просила что-то купить, потому что в нашем магазине, увы, все продукты очень быстро заканчивались, а здесь работал друг моего отца... Всегда хорошо иметь друзей. Вообще миган использовали не все в нашем обществе – лечащие не рекомендовали его больным и пожилым, некоторые так вообще признавали опасным, но правительству и так хватало забот с непрекращающейся войной, к тому же другого, более безопасного, транспорта не было придумано и построено.

Война... Она велась еще до моего рождения, и я как-то привыкла, а вот те, кто был старше, иногда с тоской произносили: «Вот когда не было войны, жизнь была совсем иной...» Лично мне это казалось странным, потому что как знающая я давно поняла, что на Таларе до образования единого государства войны были абсолютно всегда, а теперь война идет вне Талары, но все же идет. И еще очень странным казалось выражение: «Эта молодежь совсем испортилась, вот во времена моей молодости все было иначе...» Станным оно было потому, как на протяжении нашей десяти тысячной истории так говорили абсолютно все и каждое новое поколение порицалось старым.

Легкая тошнота и головокружение отвлекли от посторонних мыслей – на этом участке мигана всех и всегда тошнит, а мама обычно предпочитает выйти раньше и пройти пешком здесь, но я слишком ленива для этого. Головокружительный спуск по спирали, и механический голос сообщил:

– Пункт доставки!

– С-спасибо. – Вышла, чуть пошатываясь, впрочем, как и всегда.

– Пожалуйста. Удачного трудового вечера! – пожелал перемещатель и сорвался подвезти очередного пассажира, искренне надеющегося что «и в этот раз пронесет».

Естественно, мы все знали, что по статистике в мигане ежедневно гибнут до сотни пассажиров, но при населении в семнадцать миллиардов цифра казалась смешной. Да и вообще, мы планета оптимистов, мы верили, что с нами ничего плохого случиться не может и о безопасности мало кто думал... может, и зря...

Шагая по пластиковым улицам, радостно улыбалась встречным – большинство из нашего квадрата, поэтому всех знала хорошо. У яркого здания местного магазина свернула к триста пятнадцатому входу, поднялась по лестнице на наш девятый этаж. Можно было бы использовать лифт, но я предпочитаю прогуляться, потому что дом у нас элитный и на окнах растут цветы, которые посадили мама и бабушка Отро. В городе зелени нет, и я по-детски восторгаюсь каждый раз, когда вижу это зеленое цветущее чудо.

– Эля, поторопись уже, я тебя еще из окна видела! – Мамин голос совсем как в детстве.

Взбежала по лестнице вверх, глубоко дыша, чтобы ощутить аромат цветущих алых лирелей, в честь которых меня и назвали. Мама терпеливо ждала, улыбаясь моей счастливой мордашке:

– Ты сегодня рано, Эль, все хорошо?

– Мам, – бросилась на шею с разбега, радостно поцеловала в обе щеки, – у меня сегодня такое было-о-о-о...

– Идем, маноре знающая, расскажешь, что твои детки сегодня еще выдали.

– Мам, «детки» – не совсем подходящее определение, меня перебрали в группы от двадцати семи и до тридцати пяти лет!

Люблю удивлять маму, у нее всегда так смешно поднимается вверх правая бровь, словно и верит и не верит одновременно. А еще мне нравится, как начинают улыбаться ее зелено-вато-серые, очень красивые глаза, словно в них загораются искорки, и хоть лицо еще серьезное, а уже понимаешь, что она смеется.

– Рассказывай, маноре знающая! – требовательно произнесла мама, накрывая для меня стол.

Рядом с мамой всегда чувствую себя маленькой девочкой, и этот так чудесно – просто побыть маленькой и такой нужной. Мама слушает очень внимательно, не перебивая, словно все, что я скажу, очень значимо для нее, а мои проблемы она воспринимает как свои собственные и очень переживает за меня. И я бесконечно благодарна ей за это, только со временем все чаще одолевает мысль – а смогу ли быть настолько же прекрасной мамой, с которой дети делятся абсолютно всем и которая всегда может дать дельный совет?

– В общем, вызывает меня утром глава Академии, – начала рассказывать в перерывах между поглощением любимого сырного супа, – и говорит: «А ступайте-ка вы, маноре Манире, учить деток постарше».

– Прямо так и говорит? – засмеялась мама, садясь напротив и с улыбкой глядя, как я ем.

– Ну не совсем так, – я чуть побледнела, вспомнив его намек, – но смысл был такой.

Мама протянула еще кусочек хлебного коржика, который испекла сама, и уже серьезно спросила:

– Неужели в выпускные группы?

– Ага, – кивнула, как всегда удивляясь ее проницательности, – я теперь веду выпускные группы «Ведущих» и «Атакующих»! Представь себе!

Чуть хмурясь, мама переспросила:

– И надолго?

– Два дегона, – тяжело вздохнула, – а моих мелких на полевые учения отправили, хнык... Мам, ну не переживай так. – Нет, она не показала беспокойства, только чуть уголки губ поджались, а глаза стали чуть шире, но я очень хорошо ее знаю. – Мам, первые два занятия прошли отлично, в группе «Ведущих» так вообще Санька обнаружился, поэтому уверена – там сложностей не будет.

– Санька? Это который Эстарге?

– Ага, Сана друг... Сан же звонил вчера, ну чего ты так бледнеешь... Ну, мам!

– Нет, все хорошо. – Она улыбнулась, а в глазах слезы. – И как Санька?

С грустью посмотрела на нее – мама по Сану очень тоскует, хоть и старается не показывать. Он и звонит каждый день, но голос такой грустный, и вроде улыбается, а в глазах отчаяние. И мама, она же все чувствует, плачет по ночам...

– Санька, как и всегда, красавец! Не лидер в группе, но на положении звезды. Чуть занятие мне не сорвал.

И я начала рассказывать в подробностях, стараясь акцентировать на самых интересных моментах и отвлечь маму от мыслей о Сане. Вообще наша семья очень хорошо живет – папа у нас законник, причем один из лучших в Исикаре, а дети все трое одаренные, никого в рабочие не отправили. Я догадываюсь, почему это так – мама воспитала в нас это стремление к совершенству, поддерживала наши самые, казалось, нелепые таланты. Первые песенки сестрички Олини вызвали желание закрыть уши и бежать подальше, а мама слушала очень внимательно, поправляла, направляла и хвалила за малейшие достижения, но никогда просто так. Я в семье младшая, и меня слушать никто не хотел, а мама слушала. Выслушивала все мои детские обиды и глупые мечты, и, когда отбирающие меня тестировали, я уже знала, что хочу быть знающей,

хочу помогать другим находить свой путь. И пусть мне было непросто, но мамина поддержка помогла добиться этой самой заветной для меня мечты. А Сан любил мастерить все – от стула-трансформера, который мы, дети, подсовывали гостям и весело хохотали, когда он начинал чавкать и сворачиваться, до икате, способного писать абсолютно везде. Когда к Сану пришли отбирающие, мы им этот стул и подсунули. Реакция отбирающих удивила – это был полный и абсолютный восторг, после которого братика определили в исследующие. Мы тогда очень радовались за Сана, а родители потом всю ночь сидели в комнате для еды и старались не смотреть друг на друга. Только повзрослев, я поняла, что они оттягивали тестирование до десяти лет... и только став взрослой, осознала причину. С тех пор как Сану исполнилось двадцать пять, мы его больше не видели вживую, только в переговорнике, потому что Сан знал «Тайну», а, следовательно, не покидал пределов острова Харда. В тридцать он должен был вернуться на полный оборот Талары, чтобы найти спутницу, заключить стандартный семейный союз и снова уехать...

Рассказывая маме о событиях, случившихся за день, я помыла посуду, сделала нам по чашке успокоительного сбора и села, схватив жареный арше на закуску.

– И Агейра... а он больше ничего не спросил? – Ох не понравился мне мамин тон.

– А что еще он мог сказать, мам? Он был неправ и осознал свою ошибку.

– А-а-а... – Мама так по-хитрому улыбнулась, что мне стало не по себе. – А он симпатичный?

– Кто? – уже возмущенно переспросила.

– Ну, этот Агейра...

– Мам! Он обучающийся, какое мне дело, симпатичный или нет, если он атакующий. Вот если бы был среди ведущих, был бы красивым, а так... обычный неформальный лидер, естественно, привлекательный по-своему. – Я задумалась, поняла, что нужно идти и разрабатывать план занятий на завтра. – Наверное, у «Атакующих» все же буду и дальше проводить игры, может, в другом формате, но там же нужно воспитывать стремление к совершенству и дух соперничества, так что это идеальная методика.

– А «Ведущие»? Что у них используешь?

– Знаешь, мне вот очень идея Шао понравилась, наверное, буду давать задания на альтернативное развитие событий при непосредственном изучении личности командующего. Таким образом они научатся видеть сразу несколько вариантов решения проблемы, и это в дальнейшем поможет.

– Ох, маноре знающая, – мама погладила меня по руке, – тяжело тебе придется.

– Всего два дегона... справлюсь. Справилась же в начале года, когда меня из Академии знающих перевели в Ранмарн на должность работника. А вы с папой переживали.

– Эля, мы и сейчас переживаем, – с неожиданной грустью сказала мама, – все вы у нас какие-то выдающиеся получились...

– Было бы о чем печалиться, – я подскочила и обняла мамочку, – все будет хорошо!

Резкий звонок переговорника заставил подпрыгнуть от неожиданности. Подбежала к стене и нажала кнопку приема. Темноволосый зеленоглазый парень радостно мне улыбнулся:

– Элька, ты сегодня рано!

– Привет, Шен, сегодня да, пришла пораньше.

– Так идем гулять!

– Э-э-э-эм...

Мама встала, подошла ближе:

– Добрый день, Шенондар, куда ты ее сегодня вести хочешь?

– Добрый вечер, маноре Манире, мы на озеро хотели, пока еще тепло... Можно?

Не обращая внимания на мои отчаянные знаки, мама, смеясь, произнесла:

– Конечно, можно, вытаскивай ее, а то она опять в хранилище знаний залезет до ночи, так и вся молодость пройдет. Заходи, она будет готова через пять – десять кан.

И самым подлым и коварным образом мама отключила переговорник.

– Мам! Это жестоко! У меня на завтра занятия не подготовлены, информацию нужно посмотреть, не буду же я их опять по конспектам младшей группы учить!

– Марш гулять! – безапелляционным тоном заявила эта мучительница. – Шен тебя обогащает, а ты только и знаешь, что о работе думать. Все, слышать ничего не хочу, иди переодевайся!

– А-а-а-а, как несправедливо-о-о! – Отчаянно вопя, потопала в свою комнату и стала яростно переодеваться в костюм для купания. – Я все равно не могу с ним в стандартный союз вступить, мне нет еще двадцати пяти.

– Зато ты уже работаешь, а значит, детей рожать можешь, и не забывай, что мы с отцом настаиваем на традиционном союзе! – хладнокровно заявила мама и уже очень тихо добавила: – Не нравится мне вся эта история с «Историей Талары»!

– Мам, ты неисправима! – Надела поверх весьма откровенных лоскутков непромокающей ткани цветастое платье на запах. – Но я хочу сначала обучение завершить, а потом уже думать о *стандартном* семейном союзе.

Едва успела подкраситься и волосы присобрать, появился Шен, как обычно с конфетами для мамы и очередным подарочком для меня.

– Лирель... – восторженно выдохнул заводила нашего квартала, – ты такая красивая...

– Ты тоже ничего, – буркнула я, забирая коробочку с браслетиком из сияющих синезеленых океанских камней, а браслетик был восхитительным, поэтому искренне произнесла: – Спасибо, камни очень красивые.

– Увидел, что они похожи на твои глаза, и не смог пройти мимо, – радостно улыбнулся Шен, я редко его хвалю.

Осторожно двинулась к выходу, придерживая пакетик с полотенцем и пляжным покрывалом.

– Эля! – строго произнесла мама.

– Мамочка, пока, буду до заката...

– Эль!

– Ну, мама!

– Эль, оставь его дома! – Хмуро, чеканя каждый шаг, подошла к столу и достала сеор, захваченный для работы у воды. На лице мамы тут же появилась довольная улыбка. – Все, мои хорошие, удачно вам отдохнуть.

Даже не оборачиваясь, вылетела из нашего кимарти и тут же зашла в лифт, Шен едва успел догнать.

– Элька, что на тебя нашло? – возмущенно спросил он и поймал мою улыбку. Затем я демонстративно развязала ленты на платье и достала второй сеор, который успешно спрятала за пазухой. – Эля, мы же отдохнуть собирались! – простонал мой будущий спутник.

– Ты собирался, а у меня занятия завтра! – И, видя его расстроенную физиономию, добавила: – Поплаваем, поныряем, а потом я тихонечко поработаю на берегу. Не хмурься!

– Лирель, ты неисправима, – обреченно произнес Шен и попытался меня обнять.

Вот не понимают некоторые с первого раза. В результате мы пошли к его кийту разобитыми друг на друга. Лучше бы я дома посидела.

* * *

Водоем Оранто создали для разведения полезных водорослей. Никто не знает почему, но в результате познающие там что-то напутали с изучающими, и водоросли позорно погибли, не

оправдав надежд правительства на витаминное питание. Жители Исикаре особо не расстроились, потому что взамен невкусных, но очень полезных водорослей у нас появилось целое озеро в пределах города. До заката здесь собирались все мы – обучающиеся и избранные отбирающими, после заката рабочие, у которых трудовой день был значительно дольше.

На нашем месте уже веселилась обычная компания – друзья Шена, такие же законники, как и он, и мои друзья: голубоглазая и светловолосая Идит, которая обучалась как познающая, Синта, тоже знающая, а также кареглазая шатенка Винен и ее возлюбленный Айдо, оба будущие читатели душ.

– Привет, народ! – изрекла я, едва мы дошли от стоянки до друзей. – Как вода?

– Привет, наша трудяжка, – засмеялась Идит. Они все меня подначивали с тех пор, как я получила место в Академии Ранмарн. – Вода отличная, пошли плавать.

– Элька, я тебе такое скажу-у-у-у, – таинственно произнесла Винен, обнимая меня, – это было та-а-а-ак...

Интересно, вот как объяснить подруге, что ее постельные приключения меня не интересуют, а от подробностей и вообще тошнит? Так нет же, приходится выслушивать, потому что иначе Вин чуть прищурит глазки и начнется: «Эль, отношения между мужчиной и женщиной интересны всем, а если тебе это неприятно, значит, наличествуют глубоко скрытые комплексы в подсознании... А давай я тебя протестирую!» Брр! Приходится делать вид, что я ее внимательно и с интересом слушаю.

У моих друзей, конечно, есть недостатки, но в целом это замечательные ребята, а вот друзья Шена мне определенно не нравятся, Шен из них самый лучший. Лорхо, Дев, Симан и крепыш Тодо – все законники, все из одной группы, все со странными взглядами. Шен и не знает, что каждый из его «друзей» предлагал мне стать его девушкой, стоило Шену отлучиться, причем чисто из желания обойти «друга». Мне хватило такта и уважения, чтобы сохранить это в тайне, но то, как они смотрят... неприятно.

Переговариваясь и обмениваясь новостями с девочками, сняла платье, расстелила покрывало, осторожно положила сеор под демонстративно-недовольное всеобщее: «Элька, ты опять!» – и побежала к воде.

...Все тревоги отступают, стоит с разбегу нырнуть в воду, плыть все глубже, уносясь от шума, людей, города... замереть на миг, наслаждаясь этой удивительной тишиной, а затем резко, с некоторой обреченностью вынырнуть, возвращаясь в реальный мир. И отдышавшись, вновь погрузиться в воду, ловя краткий миг наслаждения, которое принадлежит только тебе... Рядом ныряет Шен, обеспокоенно вглядывается, и приходится снова выныривать.

...Сегодня был замечательный, очень теплый день, и светило успело прогреть песок настолько, что его тепло ощущалось даже сквозь покрывало. Расчесав мокрые волосы, я легла на живот и, включив сеор, принялась писать план занятий на завтра, игнорируя возмущение друзей.

– Элька, ты зануда, – обиженно произнесла Идит, – нельзя столько работать.

– Можно, – устало ответила я, выводя: «И таким образом следует отметить, что Ркарский договор стал вехой в отношениях с подчиненными народами...» – Все можно, если аккуратно и осторожно. Просто у меня новые группы, очень сложные.

– Мм, ведущие-э-э-э... – с восторгом протянула Вин.

Удивленно подняла голову и посмотрела на нее:

– Откуда ты знаешь?

– Знаю что? – переспросила Винен. – Я говорю, вон ведущие пришли, м-м, какие красавчики...

Идит тоже посмотрела куда-то поверх меня. С некоторой обреченностью повернула голову и с ужасом взглянула на группу в меру накачанных, сильных, гибких, загорелых темно-

волосых молодых мужчин – ведущие выделялись сразу, особенно если шли вот такой группой в семнадцать человек. Но хуже всего было то, что это оказались не какие-либо иные ведущие, а именно обучающиеся в выпускной группе! Мои обучающиеся! За что мне все это?!

– О Великие Свидетели, – с ужасом произнесла я, разглядев среди них еще и Саньку, – они же всегда на той стороне сидят...

– А сегодня нам повезло, – едва не подпрыгнула от радости Идит, обнажая все, что можно, – и не будем упускать такую чудесную возможность.

Я энтузиазма подруг не поддержала, наоборот, прикрыла все подставленное солнцу полотенцем Шена и отчаянно призвала взглядом его владельца, сидящего с парнями чуть в отдалении. Мой будущий спутник никак не отреагировал, ибо смотрел не на меня, а на эталоны мужской красоты, как и все остальные на озере.

К моему великому счастью, ведущие расположились вдалеке, и осталась еще надежда, что меня не заметят. Хоть бы уйти, когда они пойдут купаться. Во избежание любых случайностей перекинула волосы так, чтобы мое лицо было невозможно разглядеть с их стороны, и погрузилась в написание конспекта занятия.

И вот когда я уже совершенно успокоилась и мысленно была в событиях подписания Ркарского договора, рядом со мной на покрывало плюхнулся кто-то, но я и не глядя знала, что это Шен, потому что больше просто некому.

– Я занята, – не поворачиваясь, произнесла грозно, – а вообще, Шен, хватит предаваться употреблению алкоголя, поехали домой! И больше я на озеро ни ногой... все два дегона.

Рядом раздался веселый хохот, а затем и веселый голос Саньки:

– Элька, ты даже вне стен Академии такая серьезная?

О Великие Свидетели, за что вы так со мной? Как он меня вообще заметил?! Что за ужасный день! Не глядя на этого смеющегося хроста, я со стоном опустила голову на сеор и издала протяжный глухой стон.

Думала, что хуже уже быть не может, но, как оказалось, может и еще как, потому что после моего стога раздалось:

– Маноре Манире, вам плохо? – Инор Шао, а такой глубокий, вызывающий расположение голос мог принадлежать только ему, опустился рядом на колено, взял мою руку, обхватил пальцами запястье, отмеряя пульс.

Странно ощущать свою руку в его ладони...

– Нет, не плохо, – нагло выдал Санька, – это она всегда так злится. Сейчас стонет, а потом начнет швырять все, что под руку попадется! Элька, она такая.

Еще один тяжелый, обреченный выдох, и я мягко забрала свою руку у обучающегося. Пора прекращать данное представление.

– Нет, инор Шао, со мной все в порядке. – Пришлось поднять голову, откинуть назад волосы и вежливо улыбнуться. – Спасибо, не стоит переживать.

Киен Шао был в черных ате, выгодно оттенявших загорелое тело с рельефными мышцами. Смотрел он на меня с подчеркнутым вниманием... впрочем, чего еще можно было ожидать от ведущих, которых воспитывали как положительных героев.

Поднялась, замотавшись в полотенце чуть ли не по подбородок, и поняла, что подошли к нам только Санька, нагло лежавший в данный момент на моем покрывале, и Киен Шао... А-а-а-а, зря я обрадовалась – вся остальная часть их «вылазки по воду» лежала не так уж и далеко и приветственно махала мне руками. Чудесно!!! Теперь все присутствующие перевели взгляды с ведущих на меня.

Медленно выдохнула, представила, что на мне не полотенце, оставляющее открытым шею и руки, а форма знающей, и стало немного легче. Так, теперь нужно избавиться от свидетелей.

– Инор Шао, не могли бы вы оставить нас одних? – вежливо произнесла и хмуро кивнула на Саньку.

Странно смотреть на ведущего, который сидит у твоих ног и пристально разглядывает. Причем именно разглядывает, явно проводя аналогию со мной той, собранной знающей, и этой – сопливой по сравнению с ним растрепанной девчонкой. И вот как после подобного унижения вести занятия в группе ведущих?!

– Да, конечно, маноре Манире. – Шао гибко, одним движением поднялся, бросил на вежливо улыбающуюся меня еще один странный взгляд и удалился под восторженные стоны всех находящихся на берегу девушек.

Невольно посмотрела на Идит и Вин, которые не в силах были вымолвить даже слова. Осознав, что внимание на их состоянии лучше не акцентировать, повернулась к Саньке.

– Санорен Эстарге... вы что себе позволяете? – сказала тихо, но не скрывая недовольства и гнева.

– Эль, ты чего? – обиженно выдал он.

– Встать, когда к вам обращается знающая! – Санька поднялся, и я тут же об этом пожалела, потому что воспитывать комфортнее тех, кто значительно ниже. – Вы хоть соображаете, что творите, инор Эстарге?

– Эль, мы просто поздороваться подошли...

– Здраваться вы будете в Академии на занятиях! – Я не кричала, но была настолько зла, что позволила себе чуть повысить голос.

Санька явно подобного не ожидал:

– Лирель, я не понимаю... ты чего?

– Не понимаешь? – чуть прищурила глаза. – А представь, что ты оказался в одних купальных ате перед высшим командованием? Вот это примерно то, что сейчас испытываю я! Недопустимы контакты знающих и обучающихся вне стен академий!

До него начало доходить... или мне так показалось...

– Лирель, прости, я не думал, что ты так отреагируешь. Я должен тебе рассказать, и... Киен очень хотел тебя увидеть, и я вспомнил, что раньше мы всегда здесь сидели с Саном, подумал, что ты тут... прав оказался.

– Инор Шао будет видеть меня почти ежедневно в течение следующих двух дегонов, и я сомневаюсь, что это была его идея! – Он попытался что-то сказать, но я оборвала поток возражений одним резким движением: – Оставьте меня, инор Эстарге!

– Эль, я хотел поговорить и...

– Я непонятно выразилась?

– Лирель!

– Вы обязаны выполнять мои требования!

– Маноре Манире... простите. – Его глаза зло сузились. Это я довела ведущего до состояния ярости? Чему их только учат... – Подчиняюсь вашему требованию! – отчеканил Санька и ушел к явно удивленным одnogруппникам.

Тем самым одnogруппникам, которые продолжали смотреть на меня! Я заметила, как поднялся Киен Шао, но Санька, взяв его за руку, удержал. Хоть за это спасибо!

Устало опустилась на покрывало, все так же замотанная в полотенце, которое уже и не собиралась снимать. Шен подбежал, едва Санька отошел на десяток шагов.

– Лирель, ты знакома с ведущими? – удивленно спросил мой кавалер.

– О да. Знаю ровно двадцать шесть выпускников... Шен, – с мольбой посмотрела на него, – увези меня отсюда, очень прошу.

За что люблю наши отношения – Шен всегда исполняет мои просьбы, и это очень радует. Через несколько кан я уже была в платье, торопливо собирала покрывала и полотенца, акку-

ратно укладывала в пакет поверх них сеор и не слушала многочисленные вопросы подруг. В конце концов я не выдержала:

– Они мои обучающиеся, Вин, Идит, они для меня работа, как для тебя, Вин, тестируемые, а для тебя, Идит, исследуемые.

– Но они же ведущие! – восторженно произнесла Идит, косясь на группу мускулистых положительных героев, нагло следящих за моими торопливыми сборами.

– Идит, – я со стоном протянула пакет Шену, – мне и так плохо, не надо меня доставать этим «веду-у-у-ущие-е-е». Все, всем пока, удачного окончания трудового вечера!

Шен, что примечательно, ни о чем больше не спрашивал, и мы пошли к его кийту молча. На стоянке выделялись шесть дорогих кийтов черно-красного цвета, и всем сразу стало понятно, чьи они. Пока Шен укладывал пакеты в отделение для груза, нервно стояла и ждала его у дверцы.

– Маноре Манире. – И снова этот глубокий, волнующий голос Киена Шао...

Пришлось вновь вежливо улыбнуться и, удерживая это вежливо-благожелательное выражение на лице, повернуться к обучающемуся:

– Да, инор Шао.

Он все еще в ате, но его, похоже, это не смущает. Как не смущают и откровенно разглядывающие его дневные. Шао, казалось, вообще никого не замечал и смотрел исключительно на меня.

– Простите за вопрос, – у ведущих голоса хорошо поставленные и из-за этого словно сразу проникают в сознание, – но вы покидаете озеро из-за... нашего вторжения?

Последний раз мне было так неудобно, когда мы с Шеном и Вин после алкоголя прыгали в фонтан, и тут я повернулась, а там стоят два мальчика из группы, в которой я один дегон вела практику, и вежливо так со мной здороваются. С тех пор я поняла: знающая – это на всю жизнь, и расслабляться нельзя, потому что неизвестно, в какой момент и где тебе встретится один из бывших обучающихся. Но раньше я обучала детей, а они на берег озера в такое время не ходят, в гоаре их тоже не встретишь, а теперь...

– Я покидаю озеро не из-за вашего присутствия, мне действительно пора, – вежливо солгала я.

Киен Шао выдал умопомрачительную улыбку, призванную вызвать расположение, и это против моей воли сработало... Хотя знаю я, как малыши из ведущих кривят перед зеркальной панелью рот, выдавая звериный оскал, пока натренируются вот так улыбаться.

– Маноре Манире, – тихо, но очень отчетливо, отработанным голосом произнес Киен и добавил, используя методики, заставляющие верить его словам: – Я лишь хотел напомнить, что формально вы не являетесь нашей знающей, вы лишь замещаете, и, следовательно, запрет на отношения между знающими и обучающимися к вам не относится.

И что он этим хотел сказать? Или я ничего не поняла, или он на что-то пытался намекнуть... Судя по выражению ожидания на лице – пытался намекнуть. На что? Удивленно посмотрела на него, затем с улыбкой произнесла:

– Благодарю за разъяснения! Удачного вам окончания суток. – А что еще тут можно сказать?

Шао не менее удивленно вскинул бровь, но в итоге чуть поклонился и покинул меня, пожелав также приятного окончания суток.

– Стать спутницей ведущего мечтает каждая. – Сзади подошел Шен, который не смел прервать общение.

– Что? О чем ты думаешь, Шен? Он мой обучающийся! Что сегодня за день такой?! Я домой хочу!

Домой мы не полетели, потому что Шен долго катал меня вокруг города, зная, как я люблю скорость. А я, закрыв глаза и раскинув руки, наслаждалась движением, стараясь выкинуть из головы все глупые мысли. Мы с Шеном подпишем традиционный супружеский контракт, как он хочет, как пожелали его и мои родители. Если нам позволят... Шен будет хорошим мужем и отцом...

– Лирель... – Он наклонился ко мне, нежно поцеловал в губы...

– Шен... не надо, не сейчас... я еще не готова...

...Мы полетали еще немного, а после... я знающая, и тот факт, что я уже работаю, освобождал меня от посещений гоара, но Шен обязан был быть тут не менее двух акан ежедневно, и я иногда составляла ему компанию.

И мы снизились к квадратной территории гоара прямо к трапециевидному комплексу из серых пластиковых стен. Оставив кийт на стоянке, почти побежали к крайнему трехстенному строению, где Шен проводил свои обязательные акан.

Гоар – городской центр отдыха молодежи. Здесь каждый житель Исикаре обязан проводить определенное количество акан начиная с двенадцати лет и завершая двадцатью шестью годами. Время нахождения в гоаре делилось в зависимости от возраста.

От двенадцати до четырнадцати лет каждый из дневных, то есть тех, кто не определен отбирающими в рабочие, обязан проводить в гоаре не менее двух акан.

От пятнадцати до девятнадцати лет не менее шести акан ежедневно, не менее восьми акан в первый выходной и четырех во второй выходной.

От девятнадцати до двадцати шести это время снижается вполтину при наличии отношений с противоположным партнером и не снижается, если отношения отсутствуют.

Это что касается обязательного времени, но часто время увеличивают сами дневные, просто потому, что в гоаре весело и всегда есть чем заняться. Я с двенадцати лет посещала секцию по оратории – искусству говорить, и секцию изучающих останки древних цивилизаций, которую вели работники Главного хранилища Талары. Могла бы посещать только одну секцию, потому что родители получили разрешение на наши с Шеном отношения, еще когда мне было двенадцать, но мне в гоаре нравилось. В пятнадцать к двум секциям добавились «Утерянные языки», «Танцевальные традиции Талары» и дополнительный курс по предмету «Изучение поведения», на который имели право только знающие и читающие души и где я познакомилась с Вин и Синтой. Долго, почти полный оборот Талары я добивалась разрешения посещать курсы «Раскрытие возможностей» и «Способности человеческого подсознания», на которые допускались только читающие души старшей группы, то есть от двадцати одного года. К моему огромному счастью хранящий Адан, используя связи, добился для меня разрешения, и с замиранием сердца я ходила в эти дополнительные секции, хотя могла и не посещать их, учитывая отношения с Шеном.

В этом году все изменилось. После семидневного отдыха новый учебный год начался для меня с вызова в кабинет главы Академии Арреше инора Гевене, там уже находился глава Академии Ранмарн инор Осане.

– Лирель Манире, – пристально следя за моей реакцией, произнес инор Гевене, – вы завершаете обучение в стенах Академии Арреше.

Контроль Сер-Вейслера – и я сумела сдержаться. После того как в двенадцать лет меня хотели отчислить из Академии для знающих, этот страх не оставлял меня никогда... особенно в те кан, когда Шен начинал говорить, какая я красивая. И вот мне восемнадцать, и все повторилось – вызов в кабинет главы Академии, суровый и тогда еще неизвестный мне посторонний, в котором как знающая я определила одного из наблюдающих, и вердикт: «Вы завершаете обучение в стенах Академии Арреше». Тогда, в зеленом квадратном кабинете инора Гевене,

мне хотелось молить о втором шансе, но... я сумела сдержать слезы и в двенадцать и не стала позорить себя недостойным поведением.

– Поразительная выдержка, маноре Манире, – заметил инор Осане, – и тем радостнее мне сообщить вам, что с сегодняшнего дня вы зачисляетесь в штат знающих Академии Ранмарн.

После подобного сообщения я протянула руку, на ощупь схватилась за спинку стула, прошла и села, пытаясь понять услышанное. Я, Лирель Манире, обучающаяся в Академии Арреше в средней группе, буду знающей в Академии Ранмарн, где воспитывается цвет таларийской нации, иными словами, военные? Не могу сказать, что для меня случившееся стало шоком – это было чем-то значительно большим, чем просто шок! В свете последних событий недоучившихся назначали на должность знающих, но... я не в старшей, завершающей обучение группе, я находилась в средней. Это первое, и второе – знающих-недоучек не назначали в Академии Ранмарн... Это было немыслимо.

– Инор Гевене, – я обратилась к тому единственному присутствующему, которого знала, – при всем моем уважении, мотивы данного назначения мне непонятны.

– Маноре Манире, – оборвал меня глава Арреше, – позвольте представить вам главу Академии Ранмарн города Исикаре, знающего третьего танра, личного советника таара Иргадема, – после этих слов мои глаза увеличились, – старшего знающего инора Осане.

Поднявшись, я поклонилась человеку, который отныне был и моим главой.

Инор Осане ничего объяснять мне не стал, перешел непосредственно к инструкциям:

– Сейчас вы направитесь в Академию Ранмарн, где вам передадут расписание ваших обучающих занятий, код допуска в хранилище знаний Ранмарн, введут код допуска на уровни Академии. Добро пожаловать в коллектив знающих Ранмарн, маноре Манире!

Мне оставалось лишь поклониться и покинуть кабинет главы Академии Арреше.

Тогда, спускаясь по лестницам, так как нас, будущих знающих, учили выносливости, и оге были разрешены лишь для младших групп и обучающихся, я испуганно думала о будущем. Мимо спешили на занятия знающие в серых рубашках до колен и широких брюках. В Академии Арреше форма не делилась по половому признаку, более того, прическа и форма были равными для всех. Я смотрела на тех, с кем училась с шести лет, и сердце сжималось... это все оказалось так неожиданно.

Когда вернулась домой, мама испуганно посмотрела на выходящую из оге меня и даже побоялась спросить. Страх, тот страх в мои двенадцать она перенесла, пожалуй, тяжелее, чем я, и вот я вернулась домой, пройдя по пустым утренним улицам, так как все уже разошлись на занятия или работу, и замерла, глядя на маму.

– Нет, не отчислили, – попыталась улыбнуться, – меня назначили знающей в Академию Ранмарн.

На лице мамы отразились все те эмоции, которые испытала и я: недоверие, удивление, осознание и страх перед будущим.

– Эля, тебе восемнадцать всего...

– Знаю. – Я поспешно прошла в свою комнату и начала переодеваться.

– Эля... ты даже не в старшей группе.

– Тоже знаю, мам.

– Тогда почему?!

Ответа я не нашла ни тогда, ни сейчас. Просто, переодевшись в строгий костюм, потопила на свое место работы. Радовало, что академия Ранмарн была гораздо ближе к моему дому, и путь на мигане занимал теперь всего двадцать шесть кан, в отличие от акана и сорока восьми кан, которые приходилось затрачивать ранее. Тогда, впервые приблизившись к высокому пикообразному зданию, возвышающемуся над всеми иными строениями, я с восторгом рассматривала Академию Ранмарн, где должна была быть знающей.

Старший знающий инор Этаен, курирующий всех знающих по предмету «История становления Талары», ожидал меня на стоянке мигана, но... видимо, все же не думал встретить перепуганную девушку, едва вышедшую из подросткового возраста.

Высокий седовласый знающий, заложив руки за спину и гордо расправив плечи, внимательно смотрел на вышедшую из прозрачной трубы меня, и единственное, в чем проявилась его нервозность, это в едва заметном пошатывании, когда он переносил вес с носка на пятку и обратно. Одним этим едва осознанным движением знающий унизил меня так, как никто ранее. Заметил мои чуть сузившиеся глаза и, осознав произведенный эффект, поспешил уточнить:

– Маноре Манире?

Склонив голову в приветственном поклоне, я сдержанно ответила:

– Лирель Манире, старшая средняя группа, специализация «История становления Талары», прибыла по личному распоряжению главы Академии Ранмарн.

– Инор Этаен, старший знающий, курирующий знающих по специализации «История становления Талары». Следуйте за мной.

Сдерживая трепет и стараясь казаться невозмутимой, я впервые вошла в здание академии и самой себе казалась... взрослой. Впрочем, ощутить все свое ничтожество и незначительность положения я смогла в тот же день, когда была представлена коллективу знающих. Неподобающая внешность – вот что вызывало осуждение с первого взгляда, далее следовало – несоответствующий возраст и незавершенное образование. Знающие не смели проявлять недовольство в отношении руководства, а я была удобной мишенью для демонстрации презрительно поджатых губ, но лишь до того момента, пока не надевала форму знающих. Тогда мир менялся, и там, где еще недавно было едва осознаваемое презрение к недоучке, оставалось лишь профессиональное уважение к равной знающей.

– Эля, – Шен обнял меня, вырывая из водоворота воспоминаний, – побудешь со мной?

– Нет, прости. – Не люблю я их предмет «Древнее право и его реализация».

Шену двадцать пять, он лучший в своей группе и к тому же состоит в отношениях со мной, поэтому вместо трех ежедневных акан имеет право проводить только два. Вот он и оставил себе две любимые секции, первую профильную по законодательству и вторую спортивную.

– А на втором акане? – погрузнев, спросил мой будущий спутник. – У нас будут соревнования.

– Зайдешь за мной, – разворачиваясь и направляясь к хранилищу знаний, ответила я.

В гоаре шумно и весело, время перерыва, и молодежь переходит в другие здания на следующие дисциплины или в тренировочные секции, но вот сейчас прозвенит звонок, и вновь станет тихо. Прозвенел. Все сорвались, торопясь на выбранные занятия, дорожки опустели, а я... неторопливо шла по белому пластику, думая о новых изменениях в жизни.

Мне торопиться некуда, теперь я могла и вовсе не посещать гоар, так как работала и время после Академии занимала изучением методик преподавания, подготовкой к предстоящим занятиям и чтением дополнительной литературы. Вот и сейчас я направлялась к хранилищу знаний, чтобы найти достойную карту на завтрашнее занятие с ведущими.

О ведущих я вспомнила, вероятно, зря – легкие, почти бесшумные кийты пронесли над головой, направляясь в центр гоара. Ранее я, как и все, следила за красно-черными машинами, с некоторым чувством зависти думая о героях Талары, но с момента работы в Ранмарн мое отношение кардинально изменилось – да, ведущими можно было восхищаться, но не завидовать, так как именно ведущим приходилось работать над собой втрое больше, чем остальным дневным.

Стайка кийтов пронеслась и, судя по звукам, уже приземлилась, но один красно-черный завис надо мной. Странно.

Поднявшись по ступеням в хранилище, я оставила свои вещи на входе и, взяв сеор, заняла один из столиков у прозрачной стены. Код допуска младшей знающей Ранмарн давал

мне возможность просматривать гораздо большее количество материалов, нежели позволялось обучающимся.

Контролирующий хранилище бросил в мою сторону быстрый взгляд, заметив использование допуска седьмого уровня, но инор Авеше меня знал, а потому, приветливо улыбнувшись, вновь погрузился в работу.

В зале хранилища работали еще четверо: три девушки с красными лентами на руках, означающими, что они свободны, и один мужчина, видимо, из лечащих души: он украдкой следил за поведением девушек.

Я загрузила в сеор карты и, пока шла передача информации, смотрела на гоар сквозь прозрачный пластик стены. С моего места просматривались двустенные и трехстенные помещения для занятий, обучающие, сидящие ко мне лицом, и обучаемые, разместившиеся спиной к дорожкам и другим учебным классам. Однажды один юноша из нашей группы шепотом сказал, что гоар создан исключительно для того, чтобы контролировать молодежь. Глупейшее предположение, на мой взгляд, гоар создан для того, чтобы молодые таларийцы с пользой проводили время и вместе с тем находили себе пару в тех случаях, когда об этом не сумели позаботиться родители, вот как у нас с Шеном.

Мы учили, что в древние времена молодые люди проводили время по-иному, агрессивно и неконтролируемо, последствия были плачевными: юные умы поддавались влиянию тех, кто желал свергнуть политический режим. Сейчас все иначе: каждый молодой талариец – верный сын Талары, и в гоаре часто собираются клубы, где каждый высказывается о своей родине, о том, как нам повезло родиться в это светлое время. Мы часто смотрим фильмы о прошлом, и каждый понимает – именно мы живем в лучшие времена. Нам повезло, что правительство заботится о свободном времени таларийцев, что есть гоар. Именно здесь юными дарованиями сочиняются стихи и поэмы, пишутся песни и музыкальные произведения о Таларе, создаются шедевры, прославляющие величие нашей родины. А контролировать... но ведь и мы, знающие, контролируем своих обучающихся, разве в этом есть что-то плохое?

На сеоре вспыхнул символ загрузки, и я ушла в работу.

Кто-то входил в зал хранилища, но, отмечая краем сознания шаги, я даже не поднимала голову, целиком погрузившись в поиск и обработку информации по карте до тех пор, пока перезвон ветряных колокольчиков не отмерил окончание акана занятий. Но и тогда не прервала работы.

Вскоре на мои плечи легли теплые руки Шена, пальцы осторожно перекинули мои распущенные волосы на левое плечо, ласковые губы коснулись шеи. Здесь, в гоаре, проявление чувств даже с сексуальным подтекстом поощрялось, так как это толкало свободных на поиск партнеров, посему я не стала сопротивляться.

– Эля, хватит работать, – громким шепотом потребовал Шен, – идем на соревнования.

– Сейчас, я только сохраняю все.

– Нашла, что хотела? – присев на корточки и целуя руку от локтя до запястья, спросил он.

– Нашла... ай, щекотно!

– Ай или щекотно? – потребовал ответа Шен.

– Щекотно, – задумчиво ответила я. И едва процесс сохранения информации и закрытия канала связи был завершен, стремительно обернулась: – А что у вас за соревнования?

– Играем в дайкоше с командой Ренго. Элька... – Шен поднялся и, взяв меня за руку, потянул к себе, заставил встать, – ты такая красивая...

В обтягивающей сине-черной форме для спортивных состязаний с мячом он казался как-то старше и мужественнее.

– Никогда не говори мне такое, – потребовала я и, обняв за шею, быстро поцеловала. – Обещаешь?

– Я подумаю, – схитрил Шен.

- А так? – пришлось еще раз поцеловать.
- Уже почти принял решение. Еще раз поцелуешь?
- Инор Кисану, – притворно возмущилась я, – да вы наглец!

Шен хмыкнул, властным жестом законника взял меня за руку, сеор ухватил второй рукой и внезапно замер, глядя куда-то за мою спину.

– И что там? – трагическим шепотом спросила я, и не думая оборачиваться, так как никого интересного там точно не было, в это время мои друзья не могли тут находиться. – Там Великие Свидетели?

- Хуже, – как-то напряженно ответил Шен.
- Совсем-совсем хуже? – Я рассмеялась, у него был забавный вид обиженного ребенка.
- Идем, Лирелька, – раздраженно произнес мой партнер по отношениям.

Я усмехнулась, позволила ему потащить себя за руку по проходу и только сейчас заметила странности в поведении тех трех девушек, которые работали тут еще до моего появления – они все тоже посматривали назад, и лица были такие восторженные... Ну, так и оказалось, позади места, на котором сидела я, обнаружились ведущие. Поймала на себе задумчивый взгляд Киена Шао, сидящий рядом с ним Йен Райхо о чем-то тихо говорил, так же глядя на меня. Остальные из их группы отсутствовали, но и этих двоих хватило, чтобы бедные свободные девушки лишились спокойствия.

– Интересно, и что это они тут делают? – не скрывая злости, весьма громко спросил у меня Шен.

– Не знаю. – Я пожала плечами и постаралась забыть о ведущих. – Мне бы польстил тот факт, что они здесь из-за меня. – Шен замер, и пришлось пояснить: – Я задала прочитать мемуары трех генералов периода Карадарских сражений, поэтому им и могло понадобиться хранилище знаний. Но с другой стороны, заданный материал они сумели бы найти и в хранилище Академии Ранмарн.

– Вот-вот, – как-то странно произнес Шен.

Мы забрали вещи и, забыв о ведущих, стали обсуждать предстоящее соревнование в дайкоше. Эта игра, в которой пятнадцать членов каждой команды пытались забросить мяч в пять вертикально вбитых колец, пользовалась популярностью, и секции дайкоше всегда были переполнены. Шен занимался с двенадцати, а их команда «Красный рассвет» всегда соперничала с «Великими дайонами», но знающие редко позволяли соперничающим командам сойтись на одном поле. И именно сегодня был тот самый знаменательный оборот Талары, когда командам позволили встретиться на одной площадке.

– Элька, только на поле не выбегай! – Усаживая меня среди запасных игроков, Шен как капитан команды давал распоряжения: – Лорхо и Тодо, сдерживайте их нападающих, особенно Ренго, он еще и в секцию по древним видам борьбы ходит. Симан, Гае, Давир, прикроете меня в момент атаки, и никакой самодеятельности.

Шен – лидер в команде, но никогда в компании или среди сверстников. И если на поле он может наорать и даже дать подзатыльник, то вне игры никогда не позволяет себе подобного – законники обязаны сдерживать проявление эмоций.

Впрочем, почти все в команде Шена были законниками, поэтому и вел себя «Красный рассвет» значительно сдержаннее, чем «Великие дайоны», там в основном играли познающие.

Команда «Красный рассвет» выиграла с отрывом в два очка. Радость от победы мы с Шеном отметили очередным виражом над Исикаре, его друзья сопровождать нас не могли, остались на обязательные занятия.

- Знаешь, – внезапно произнес Шен, – когда ты рядом, мне очень хорошо.
- Я улыбнулась, мне тоже было хорошо сейчас и даже думать не хотелось о завтрашнем дне.
- Лирелька, – позвал Шен, – предварительные результаты уже пришли...

Отвечать я не торопилась, я, в отличие от вечно беспокоящегося Шена, как-то была уверена в положительном ответе, но вежливо спросила:

– И?

– Мы совместимы. – Улыбка Кисану стала совершенно счастливой. – И когда я завершу обучение...

– Это замечательно, Шен. – Не могу сказать, что я испытывала радость, наш союз был тем, что казалось незыблемым, как сама Талара.

– Элька, это просто чудесно, и мы будем вместе.

– Да. – И вот теперь то, о чем я все время хотела сказать: – Но после окончания учебного года в Ранмарн.

Другой бы на месте Шена разозлился, позволил себе проявление недовольства или настоял на своем, но... Шенондар Кисану посмотрел на меня, улыбнулся и едва слышно ответил:

– Хорошо, Эля, я понимаю, что ты еще не готова. Но предварительное соглашение желательно заключить до того, как я получу назначение на место трудовой деятельности.

И кийт помчался быстрее, возвращая нас в город. Я счастливая, у меня будет чудесный и понимающий спутник, как мой папа у мамы, как Ран у Олини... Я счастливая, у меня есть все: государство, которое заботится обо мне и позволяет работать там, где я могу принести наибольшую пользу Таларе. Семья, в которой меня понимают, мечта, которая стала моей работой даже раньше, чем я могла надеяться. И будущее – с Шеном оно станет светлым и радостным... Я очень счастливая.

Мы вернулись после заката, долго стояли, обнявшись, перед входом в мое кимарти, слушали, как стучат наши сердца. И мне было хорошо, но... время. Еще не весь материал готов на завтра. После быстрого поцелуя я вырвалась и, захватив свой пакет, отправилась домой.

– Ты мое счастье, – прошептал Шен.

– А ты мое. – И мне стало очень радостно от этого.

Олини уже спала, поэтому я на цыпочках прошла мимо ее двери, но неожиданно из комнаты для еды меня окликнул отец:

– Эля, ты вернулась?

Аккуратно положила пакет с сеором, прошла к родителям.

– Привет, папа. Вы чего не отдыхаете?

Мама мне ласково улыбнулась, а вот отец оказался чем-то расстроен. Расстроен настолько, что все еще сидел в мундире, не потрудившись снять жесткую форму, и сейчас синеватый цвет одежды законника словно призывал к осознанию собственной вины. Папа только ворот расстегнул и, судя по полным тарелкам, так ничего и не съел.

– Лирель, – полным именем он обращался ко мне, только если был очень зол, – объясни... не знаю, как сказать... сегодня к окончанию трудового дня мне пришел типовый договор на заключение стандартного супружеского соглашения... на твое имя.

Устало опустилась на стул, позволила маме себя обнять и опустила голову на ее плечо:

– Пап, ну я говорила с Шеном, мы вроде договаривались ждать окончания, видимо, его отец ничего не понял, я разберусь...

Папа оборвал мою речь одним движением, обхватил голову руками и простонал:

– Лирель, договор пришел от имени командующего подразделением «Черного клина» Отнара Шао, на имя его сына Киена Шао! Эля, в этой семье все ведущие, но ведущие не берут в спутницы знающих! Если бы контракт пришел на имя Олини, я бы еще понял, но ты... У нас были планы на Шенондара Кисану, вы так давно вместе, столько усилий потрачено для заключения между вами традиционного соглашения, и тут это!

Мне нечего было сказать, потому что мое удивление не знало границ. Это казалось странным, непонятным и... невозможным. Киен Шао, ведущий, который вообще меня видел лишь раз... ну не раз, но всего один день.

– Пап, что ты ответил?

Мой папа был законником, поэтому мог отказывать многим.

– Лирель, я ответил, что мы рассчитываем на традиционное супружеское соглашение... Но если их сторона согласится на наши условия... я не смогу отказать Отнару Шао, это не тот человек, который прощает отказы.

Ведущие никогда не берут в спутницы знающих. Дело даже не в том, что познающие искусство им ближе по статусу, проблема в том, что мы, знающие, видим их насквозь. Но чтобы выбрать знающую из собственной Академии... Это же просто глупо!

– Эль, – мама прижала меня к себе сильнее, – если бы мы были уверены, что он тебе нравится, мы бы согласились даже на стандартное супружеское соглашение, но...

– Мне никто не нравится. – Я тяжело вздохнула. – И если Шен для меня как родной, то ведущий... Это просто смешно, мам! И стать спутницей ведущего – значит забыть о работе, а мне нравится быть знающей! Я даже думать об этом не хочу! Попробую разобраться... Он, наверное, подошел сегодня, чтобы сказать, а я... Разберусь завтра! Долгого сна, мама, долгого сна, папа!

Войдя в свою комнату, я не плакала – на это просто не было времени. Подключилась к системе хранилища информации, ввела код и вошла в хранилище знаний – нужно было подготовиться к занятиям.

Утренний звонок разбудил всех разом. Звонкая сирена пронеслась по улицам, возвещая начало нового рабочего дня. Подскочив, я быстро надела форму для бега и помчалась на улицу, отстав от Олини на несколько мгновений.

– Привет, младшая. – Оли сбегала вниз по лестнице. – Поговаривают, соглашение на тебя пришло...

– Привет, старшая, было дело... – За Олини бежать тяжело, все же, в отличие от знающих, познающие искусство больше внимания уделяют телу и физическим нагрузкам.

– Что намерена делать? – Сестричка чуть притормозила.

– Буду перенимать твой прогрессивный опыт!

Мы весело рассмеялись, привлекая внимание. Олини сумела тактично отказаться от четырех стандартных соглашений, присланных на ее имя начиная с двадцати трех лет, ведь к тому времени уже было заключено предварительное соглашение с Рананданом Ашедо. С Раном Оли познакомилась в гоаре. Мы как раз шли со стоянки мигана к корпусам спортивных секций, когда увидели группу читающих души, возвращающихся с профильных занятий. На Рана я обратила внимание сразу – высокий, широкоплечий и светловолосый, но при этом со смуглой кожей и чуть раскосыми глазами, как у древних таларийцев. Но я смотрела не на внешность, просто увидев этого молодого человека, как-то сопоставила его образ с пройденным в тот день обучающим материалом на тему «Влюбленность: признаки проявления и методы борьбы». Так вот Ран был истинным олицетворением влюбленного. Он смотрел на не заметившую его взгляда Оли так, словно в этот миг весь мир сузился до этой конкретной таларийки в ярком желто-зеленом платье. Затем Ран очень медленно перевел взгляд на ее руку и, увидев красную ленту, улыбнулся так радостно, словно стал самым счастливым человеком на свете.

Я не удержалась и, дернув сестру, прошептала:

– Оли, он на тебя так смотрит...

Зеленые глаза Олини чуть свысока, как и полагалось познающей искусство, оглядели идущих нам навстречу, и я услышала сдавленный стон.

Мне тогда было двенадцать, это был мой первый год в гоаре, и я беззаботно отнеслась к происходящему, пошла дальше, рассказывая Оли о происшествии на обучающих занятиях,

и даже не заметила, что сестричка отстала. Прозвенели колокольчики, возвещая новый акан занятий, я обернулась, и оказалось, что Оли и Ран так и стоят на белой пластиковой дорожке, глядя друг другу в глаза. На занятия опоздали оба, но обучающие были лояльны, к сожалению, лишь до тех пор, пока не выяснилось, что Ран из читающих души. Познающая искусство и читающий души не пара. Ранандану Ашедо порекомендовали в течение дегона найти партнера по отношениям. Тогда в силу возраста я многого не замечала, только то, что Олини по утрам встает с красными глазами. Вскоре Оли уже выступала на народных празднествах, пришел первый контракт на ее имя. Отец отказал, даже не задумываясь, а через полный оборот Талары на пороге нашего кимарти появился Ран с разрешением на проверку совместимости для традиционного союза. Как он этого добился, я до сих пор понять не могу, тогда даже у отца ничего не получилось, а он очень старался.

Стоит ли говорить, что, пока шли проверки на совместимость, Олини всеми способами пресекала попытки рассматривать ее как объект стандартного супружеского соглашения. Вплоть до того, что однажды изобразила злоупотребление алкоголем перед родителями ранмарнца, дабы те не удовлетворили просьбу сына и не прислали отцу контракт. Но Оли познающая искусство, она играла роли, и ее эмоциональное состояние менялось, как ветер, я так не умею, меня учили иному.

– Не грусти. – Устав от моего молчания, Оли поспешила утешить: – Сама посуди: если они пойдут навстречу требованиям отца и решат заключить традиционный союз, у тебя будет не менее трех лет, пока пройдут проверки на совместимость, чтобы... ну, перенять мой прогрессивный опыт. С другой стороны, это же веду-у-у-щий!

– Не начинай! – Кажется, я испытала гнев и раздражение.

Мы бежали по дороге уже на выходе из нашего квадрата, и вскоре нас догнал Шен.

– Привет, Шенондар. – Олини поцеловала его в щеку. Вот все в моей семье любят Шена больше, чем я! – Как жизнь молодая?

– Хорошо. – Шен приноровился бежать рядом со мной. – Ведущих много вокруг развелось, – укоризненный взгляд в мою сторону, – а так жизнь прекрасна.

– О-о-о, – выдала зеленоглазая предательница, – так ты ничего не знаешь?

– Не знаю чего? – удивленно спросил Шен.

– Молодежь, разбирайтесь! – И, истерично хихикая, Олини умчала вперед.

– Эля, рассказывай! – Шен сурово посмотрел на меня, я улыбнулась и побежала быстрее... надеясь догнать... предательницу!

Площадь Пяти Воинов! Каждое утро на утреннюю зарядку здесь собиралась большая часть дневных нашего города. Площадь была поделена на пять частей, и мы обычно тренировались с Воином Огня.

– Займите место! – прозвучал приказ, мы встали по центру квадратиков, готовые приветствовать своего учителя.

Далее шло традиционное:

– Утренний свет – это энергия светила. Светило – это огонь. Готовы ли вы впитать силу огня?

– Да, великий учитель! – прозвучал хор почти трех сотен тысяч человек. В других концах площади раздавалось нечто подобное, но все сливалось в общий гул, который казался отдаленным рокотом грома.

Великого учителя Огня не было в живых вот уже двенадцать тысяч полных оборотов Талары вокруг светила, но его наследие жило в нас. Его приемы мы повторяли каждое утро, искренне веря, что впитываем энергию светила. В любом случае после упражнений все тело наполнялось легкостью, а жизнь казалось настоящим чудом. На площадь Пяти Воинов народ

сбегался и сходилась сонный и хмурый, а после упражнений все разбегались с радостными улыбками, приветствуя знакомых и незнакомых и искренне наслаждаясь бегом.

– Ученики, время огня завершилось. Удачного дня! – прозвучало сверху, возвещая окончание урока.

– Благодарим, великий Мастер Огня!

И мы наперегонки помчались домой. К Учителю Огня я сманила Олини и Шена, меня завораживала эта стихия, и в одно прекрасное утро мы ретировались от Мастера Ветра и присоединились к самой малочисленной группе Мастера Огня, традиционно считавшегося предназначенным для военных. Это было настоящим открытием для нас – его уроки приносили гораздо больше энергии и радости. С тех пор мы исправно занимались с Мастером Огня каждое утро вот уже три полных оборота Талары вокруг светила.

– После занятий я зайду! – крикнул Шен, направляясь к своему дому.

– Хорошо, – ответила я и толкнула Олини к нашему входу. Она хохотала и упиралась, грозилась все рассказать, и мы так и добежали до дома, шутливо переругиваясь.

– Как позанимались? – спросила мама, накрывая для нас стол.

– Чудесно. – Олини уселась первая, начала есть салат и плоды деревьев.

Еду для Оли доставляли отдельно, потому что познающие искусство питались не так, как все. Мой завтрак состоял из сладкого и минерализированной воды – мне мозг питать нужно, а не красоту. Но мама все делала по-своему, в итоге мне тоже достался салат, а сок Олини был разбавлен минерализированной водой. Мы не возмущались, мы давно привыкли.

– Олини, сегодня вернись пораньше, – вежливо напомнила мама о подписании ее супружеского соглашения.

– Я помню! – Олини словно светилась от счастья, этот союз был долгожданным, хоть и несколько... поспешным.

– Эля, тоже будь пораньше! – Мама ласково погладила меня по волосам.

– Не обещаю. – Я вспомнила, что нужно разбираться с планами старшего знающего Ата-нара, взглянула на обиженное лицо сестрички и добавила: – Но постараюсь.

Оли с визгом бросилась меня обнимать, но повторный сигнал сирены прервал сестринские изъятия чувств. Мы почти одновременно побежали в комнаты и вскоре покинули кимарти. Я в зеленовато-синем под цвет глаз костюме, прижимая к груди сеоры, Олини в ярком цветастом платье, надевая на голову шляпку.

– Мамоочка, до вечера! – выкрикнули мы разом и помчались к остановке мигана.

– Ведущие – это лучший вариант на Таларе, – внушала мне Олини по дороге, – посмотри на себя – никакой женственности! На уме одни обучающиеся да занятия! Этот ведущий для тебя идеальная партия, хоть мне и Шен нравится, он хороший.

– Олин, – я нетерпеливо вбила в панель у прозрачной трубки мигана вызов на два перемещателя, – а давай я сама буду решать, что для меня лучше!

– Эля, ты еще не знаешь, что тебе лучше, поверь мне!

Сану двадцать восемь, Олини двадцать пять, я самая мелкая, мне всего девятнадцать – и все считают, что имеют право меня поучать! Иногда мне кажется, что существует огромная проблема братьев и сестер, потому что те, кто старше, уверены, что только их опыт позволит младшим избежать ударов Асаны. Но мы не хотим идти по пути, проторенному старшими, мы хотим создавать свой путь, пусть неправильный и болезненный, но свой. В нашем мире выбор – запретная роскошь, наверное, именно поэтому я так дорожу своим пусть и ограниченным, но правом избирать.

Олини умчалась первой, придерживая шляпку на поворотах, я запрыгнула на следующий перемещатель, стараясь не думать о статистике смертельных случаев в мигане. Включив сеор, просмотрела еще раз расписание – первое занятие у «Ведущих», затем два свободных занятия, и четвертое у «Атакующих». Злость вспыхнула при воспоминании о Киене Шао, но тут же

исчезла, подавленная привычным волевым усилием – впереди показались очертания Академии Ранмарн.

* * *

Академия была моей службой вот уже восемь дегонов, и это оказалось лучшим временем в жизни... до вчерашнего дня. Остановив перемещатель, я покинула миган и направилась к входу для знающих. В преподавательской царил обычный утренний переполох, но это мог заметить лишь знающий, обучающимся показалось бы, что здесь идеальный порядок, и степенные знающие лениво проходятся между столами в ожидании начала занятий.

Не здороваясь ни с кем, быстрым шагом подошла к своему столу, положила сеоры и направилась в омывательную. Вошла в свой отсек, разделась, включила теплые струи и быстро охладила их до почти ледяных. Затем режим теплого океанского ветра, и я начала переодеваться. Нателное асте, затем тонкие шес, открыла отделение с формой. После занятий мы складывали форму, утром доставали ее чистой и отглаженной. Синяя блузка под шею, длинная темно-серая юбка, строгие, на небольшой платформе, очень удобные туфли – и я уже почувствовала себя совершенно иначе. Достала айке с кремом, быстрыми привычными движениями втерла в кожу. Затем собрала волосы на затылке, накрыла черной тканью, заколола тонкими деревянными исе.

Когда я выхожу из комнаты омовений, моя спина всегда прямая, движения четкие и уверенные, голос и эмоции контролируются. Я направляюсь в преподавательскую, произношу традиционное: «Удачного дня, знающие!» – и слышу в ответ: «Продуктивных занятий!» Мы все рады этому дню, потому что мы знающие! Цель нашей жизни – передать знания обучающимся, и эта цель становится единственной, стоит надеть форму и уложить волосы в строгую прическу. Мы – знающие! Мы гордимся этим! Мы никогда не будем кричать, бежать или предаваться панике, если на нас форма. Даже в спешке мы держим спину прямой, а все движения наши уверенные и правильные, потому что мы знающие!

Олини говорила, что когда она поет, она чувствует себя центром вселенной. А я не хотела быть в центре, потому что истинное удовольствие для знающей – это направить обучающегося так, чтобы он нашел свой центр вселенной. Я знающая! Это мой путь, мой долг, мое призвание! И это моя мечта, которая стала реальностью.

Взяла сеор с планом занятия и с доброй, полной искреннего расположения улыбкой вышла из преподавательской вместе с десятками таких же собранных, приветливо улыбающихся знающих с блеском в глазах. Мы – знающие, наша цель нести знания!

Лифт поднял меня на этаж ведущих и, глядя в зеркало на себя, такую уверенную и собранную, я поняла, что сумею справиться. Я – знающая!

Выйти из лифта, пройти по коридору и приблизиться к аудитории. Прикосновение, и дверь взлетает вверх, открывая для меня путь к обучающимся. Ведущие уже здесь, все двадцать шесть, они расселись по местам, едва я вошла.

Пройти к доске, ввести код на панель управления, получить доступ, положить оба сеора и, выпрямившись, произнести:

– Приветствую лучшую группу Академии Ранмарн! Для меня честь находиться здесь и передать вам ту часть знаний, которой я обладаю. Садитесь.

И только теперь я заметила странность в их поведении. Они сели, но не дружно, а как-то неохотно, вразнобой, не сводя с меня глаз. Что происходит? Выглядела я, как и вчера, если бы с формой был не порядок, система сообщила бы об этом еще на выходе из комнаты омовений. Бросила взгляд на Саньку, тот виновато опустил голову. Посмотрела на Киена Шао – этот глядел в упор, с каким-то чувством торжества, улыбаясь странной улыбкой... Ненормальная

улыбка, ведущие такого не отрабатывают, иначе малыши мне показали бы... Разберусь позже, сейчас время занятий!

– Прошу вас, опустите сеоры с домашним заданием на панель неоса, введите мой код – 754993872009. – Ведущие подчинились, и вскоре выполненные задания загрузились в мой сеор, а на столе отображались лишь имена тех, кто произвел загрузку. Задание выполнили все, приятно иметь дело с группой «Ведущих». – Благодарю, сообщение с результатами придет после окончания занятий.

Поворачиваюсь к доске и зачитываю новую тему, повинуюсь моему голосу, надпись вспыхивает алым.

– Итак, тема, которой мы сегодня уделим внимание, называется: «Карадарское и Сиарийские соглашения». Цель: рассмотреть основные моменты договоров, изучить этапы перехода на новый уровень отношений с подчиненными народами. – Завершив обозначение темы и цели, поворачиваюсь к группе. – Приступим к изучению материала. На прошлом занятии вы порадовали меня своими знаниями и эрудицией, – нельзя забывать хвалить ведущих, – мы рассмотрели битву при Карадаре, вследствие которой были уничтожены основные силы Объединенных войск сопротивления.

Стол мигнул красным, кивнула, позволила задать вопрос Йену Райхо.

– Прошу прощения, маноре Манире. – Он встал, такой же красивый и безупречный, как и все в этой группе. – Существует теория, что борьба с Объединенными войсками носила не освободительный характер, то есть мы выступали агрессорами. Интересно было бы узнать ваше мнение по данному вопросу.

И чему это тут их старший знающий Атанар обучал, если они имеют доступ или хотя бы даже знают о подобном? И ведь это явно испытание... испытывают меня! Позволила себе ласковую улыбку и дала ответ:

– Историю пишут победители, инор Райхо. Вы все здесь будущие победители, многие уже знакомы с триумфом победы – вам писать историю будущего!

Вопрос был исчерпан. С ухмылкой истинного покорителя народов и планет Йен Райхо чуть склонил голову в знак полного согласия. И как-то разом ведущие распрямили плечи, сели ровнее, стали смотреть на меня, как прежде, – как на знающую, которая несет свет учения! О Великие Свидетели, что же мы творим! Мы превращаем мальчиков в героев, которые пишут и кроют историю по собственному усмотрению, уничтожая тех, кто против, подавляя тех, кто слабее, расширяя границы нашего замкнутого мира, где судьба каждого расписана заранее. Но если мы не будем растить своих победителей... нас уничтожат чужие герои...

– Вернемся к теме занятия... – Я знающая! Соберись, Эль! И речь моя плавно потекла, ибо моя цель – нести знания. – Карадарское и Сиарийские соглашения перекроили мир по-новому, потому что отныне мы могли диктовать свои условия, а силы Объединенных войск оказались призрачным отсветом былого величия. Перед командующей партией стояли три задачи – заставить покоренные народы расформировать военные подразделения, захватить контроль над идеологией и изменить экономическую модель. Первый вопрос был решен Карадарским соглашением. – Нажала на соответствующие символы, и у каждого из ведущих на столе появилась копия договора, теперь, когда я буду называть каждый пункт, соответствующая запись будет вспыхивать перед обучающимися. Таким образом я задействую зрительную и слуховую память, в конце занятия они будут записывать основные пункты под диктовку, это задействует моторную и повторно слуховую память.

Группа работала и следовала за моими пояснениями. Я наслаждалась! Ведущие сейчас были как единый организм, и этот организм впитывал новые знания.

– Переходим к Сиарийскому соглашению. – Касанием к экрану сеора перенесла на доску карту территорий подчиненных народов. Икате, повинуюсь прикосновению, удлинилось, превращаясь в указку. Карта была очень четкая, я обнаружила ее вчера в папке недавних снимков

из космоса, более четкого изображения не нашлось, а использовать неточную карту из обучающей программы не хотелось, все же ведущие должны отчетливо представлять масштаб работы, проведенной нашим правительством. – По Сиарийскому соглашению на территории государств Оскго, Райне, Сабиго, Дене, Исато были расположены транслирующие сати. – Указала на металлические башни, и они вспыхнули маячками, демонстрируя разветвленную сеть. – Это позволило взять под контроль все средства передачи информации – аудио, видео, передатчики, формы визуального творчества. Были задействованы лучшие знающие и обучающие, сформирована новая идеология, в которой мы, таларийцы, вели свою линию от божественного Саояна. Кто мне скажет, почему был избран именно этот идеологический прием?

Они не знали! Я удивленно переводила взгляд с одного на другого, и в их глазах светились очевидные непонимание и незнание. Чему их учили?! Это же серьезный пробел! Мигнул красным стол, отвечать вызвался Киен Шао, я кивнула, позволяя.

– Маноре Манире, судя по вашему взгляду, мы обязаны знать ответ на данный вопрос, но должен заметить, что мы не изучали культуру покоренных народов... Не могу сказать, что это наша вина! – Я уже просто жаждала получить планы старшего знающего Атанара... – И все же ответу на ваш вопрос, так как данная тема поднималась в моей семье, – продолжил Шао. И, снова странно взглянув на меня, произнес: – Божество с именем Саоян основное в пантеоне покоренных народов, считается, что царствующие семьи ведут свой род от его потомков. Внеся изменения в идеологию, мы внушили покоренным, что ведем свой род от самого божественного Саояна, таким образом они уверовали, что наша власть выше власти царственных семей.

– Великолепный ответ, инор Шао, – с искренним восхищением произнесла я, – и совершенно верный. Группа, мы обязательно наверстаем упущенные знания по идеологии покоренных. А сейчас вернемся к теме занятия. Итак, действительно, это было идеальным решением, в дальнейшем в образ Саояна внесли некоторые дополнения, что придало ему сходство с расой таларийцев. Стоит отметить, что спустя два поколения работа идеологов дала свои плоды, и любые проявления бунта или недовольства свелись к нулю – покоренные окончательно склонились перед «божественной» властью Талары.

Мы завершили занятие вовремя, и когда прозвучал сигнал об окончании, успели записать и основные даты, и пункты договоров.

– «Ведущие», должна признать, вы лучшие из обучающихся, с кем мне доводилось работать! – Хвалить я обязана всегда, но особенно приятно, что их было за что хвалить. – Задания на дом сегодня не будет, вы прекрасно усвоили материал. Благодарю за занятие, все свободны... но инора Шао и инора Эстарге я просила бы задержаться.

И снова эти странные взгляды на меня, эти непонятные ухмылки. «Ведущие» покинули аудиторию, дверь с тихим шуршанием опустилась. Отключив доску, я повернулась к обучающимся, прислонилась к краю стола и, сложив руки на груди, спокойно произнесла:

– Я жду объяснений!

Санька зло взглянул на Шао, а вот Киен не сводил с меня весьма нахальных, изучающих глаз. Он вообще все занятие не сводил с меня взгляда, в нарушение обучающего процесса. Да что же происходит?!

– Инор Шао, пожалуй, начнем с вас и того странного предложения, которое поступило на имя моего отца!

Он поднялся, и я тут же снова вспомнила, что это не дети и авторитетом на них не надавишь...

– Я не обязан отвечать на личные вопросы! – холодно заявил Киен Шао, подойдя ближе ко мне. Только благодаря тому, что я находилась на возвышении, наши глаза оказались на одном уровне, и это позволило выдержать самоуверенный взгляд. – Не здесь и не сейчас, – спокойно и даже как-то загадочно произнес инор Шао, – и когда вы... маноре Манире, не будете позволять себе подобный тон!

Резко развернувшись, Шао покинул аудиторию... Как я люблю детей! Они такие чудесные, импульсивные, непосредственные, но когда они вот так вот уходят – всегда возвращаются, потому что понимают, что сделали больно, а извиняться еще не разучились...

– Сань, что происходит? – Я устало посмотрела на героя своего детства, такого сильного и всегда очень уверенного Саньку.

В нашем квадрате меня никто никогда не обижал, потому что все знали – придет Санька, и обидчикам будет плохо. А сейчас мой герой сидел растерянный и растерявший всю свою самоуверенность.

– Я хотел помочь... – убитым голосом сообщил этот красивый молодой мужчина, – а вышло, что подвел... Нам не стоило приходить вчера к озеру и искать тебя... Я забыл, какая ты... красивая... И потом в гоаре... ты все-таки очень красивая...

Начинается, если еще и дифирамбы про мои глазки петь станет, тресну сеором по голове – с детства мечтаю!

– Инор Эстарге, я требовала объяснений, а не непонятных описаний моей внешности! – Холодный тон необходим, если разговариваешь с тем, кто отдался во власть эмоций.

Он встал, подошел ближе, сел на ближайший к доске стол и хмуро начал рассказывать:

– Никто не знает, правда или нет, но ходят слухи, что арарсар внедрили в исикарскую Академию Ранмарн своего воина. – В жизни не встречала худшего бреда, но сделала вид, что слушаю очень внимательно. – Весь год у нас были проверки, заборы крови и снова проверки. Проверяют две выпускные группы: «Ведущих» и «Атакующих»... Слухи ходили, мы и сами присматривались друг к другу, но... я поверил в это только тогда, когда ты сказала, что тебя поставили к нам.

– И где же здесь связь? – Интересно, как они проносят в академию алкогольные напитки?

– Эля, – он впервые посмотрел мне в глаза, – сколько знающих «Историю Талары» в Академии? Десять? Пятнадцать?

– Восемнадцать, – спокойно ответила я.

– А поставили тебя, девчонку-недоучку! Неужели не понимаешь?

– Нет, – я удивилась совершенно искренне, – но уже начинаю догадываться, почему – у вас основательные пробелы в знаниях!

Санька взглянул на меня как на больную, но, сдержавшись, продолжил:

– В общем, ты не поняла, оно и к лучшему. Я долго думал, что можно сделать, и нашел выход – семья Шао очень известная, если бы ты носила статус его невесты, никто не смог бы тебя заставить... выполнить поручение правительства.

Шпионские фильмы нужно запрещать, это надо же как они влияют на восприятие и психику даже взрослых людей! А он все продолжал:

– Киен мой друг, и он поддержал эту идею. Его отец принял выбор сына мгновенно, и твоему отцу было отправлено соглашение...

Та-а-ак, вот это уже меня заинтересовало. Уточнила:

– То есть вы пытались меня таким образом защитить? Интересный ход. Пожалуй, мне стоит извиниться перед инором Шао, но настоять на том факте, что в защите я не нуждаюсь.

– Эль, – вид у Саньки стал совсем виноватым, – он... не отзовет контракт!

Вот теперь я действительно удивилась:

– Почему?

Но вместо объяснений Саня снова начал невнятно лепетать извинения:

– Эля, прости меня, я же забыл, какая ты красивая... Привык, что ты соплюшка, не воспринимал тебя никогда как... – Ну, это-то вполне объяснимо, фактически я для него всегда была как младшая сестричка, но к чему подобные речи? А Санька все говорил совершенно убитым голосом: – У тебя же мама из познающих искусство, Олини у вас тоже красавица, и

тоже по искусству пошла, а ты... Даже в этих хламидах знающих и с кремом на лице такая хорошенькая, особенно когда урок ведешь, у тебя тогда глаза горят, ты вся словно светишься...

– Сань, к чему весь этот бред? – уже не сдержалась я.

Ведущий посмотрел на меня и тихо ответил:

– Я хотел порадовать тебя, рассказать об этом, и мы нашли вас на озере...

Теперь понятно, почему он вчера был таким обиженным. Пришел герой спасать прекрасную девушку, а девушка устроила скандал и не выслушала. Да-а-а, хороша я вчера была. Просто выше всяких похвал! Нужно было выслушать и разобраться на месте. Герои!

– Прости, что я так повела себя, – холодно извинилась, – действительно, нужно было выяснять, в чем дело.

– Это еще не все. – Санька глубоко вздохнул и добавил:, – Киен увидел тебя вчера и сказал... что не будет отзывать контракт.

Я же его тоже обидела! Осознание собственной глупости было болезненным, но с другой стороны... Причем его обида, пусть даже и обида ведущего с невероятным самомнением, и стандартное супружеское соглашение? Это он так сильно обиделся, что решил меня сделать спутницей жизни? Как глупо, а еще и ведущий.

– Не поняла... Сань, при чем тут все это? Вы повели себя глупо, я повела себя глупо, поговори с ним, и прекращайте геройствовать, я не нуждаюсь в спасении.

– Эля... – Санька встал, с грустью посмотрел на меня, – ты ничего не поняла... Просто осознай, что Шао не отзовет контракт... А если и отзовет, то все, кто видел тебя вчера, пришьют свои... Прости, Лирель, я сглупил...

Герой моего детства покинул аудиторию с поникшей головой и опущенными плечами, а я... ничего я не поняла! Совсем ничего! Собрала свои вещи и задумчиво направилась к лифту. Возле него стоял Агейра с небольшим сеором, явно ожидая меня.

– Маноре Манире, доброго дня.

– Доброго дня, инор Агейра. Вы с домашним заданием?

– Да, маноре. – Он улыбнулся мне очень тепло, и я невольно улыбнулась в ответ. – Вы просили принести утром, но я не застал вас в преподавательской.

Приглашающим жестом указала на кабинку лифта, и он вошел вслед за мной.

– Я вам сейчас покажу свой стол и дам код, сможете отныне сбрасывать информацию и в мое отсутствие, – ответила я, нажимая на символы. – Все в команде выполнили?

Он улыбнулся шире и кивнул. Невольно залюбовалась этим лицом с тонкими чертами, этой искренней улыбкой, которая, казалось, играла не только на губах, но и в темно-фиолетовых глазах, заставляя улыбаться в ответ.

– Вы чем-то расстроены? – очень приятным, низким голосом спросил Агейра.

Я тяжело вздохнула и тихо ответила:

– Иногда встречаются трудности, которые на первый взгляд трудно преодолеть, но история учит нас, что нет ничего невозможного.

Агейра кивнул, соглашаясь с моими словами, и в глазах его мелькнула мудрость... Наверное, это глупо, но иного определения для странного взгляда у меня не было... Словно на меня смотрел очень знающий и проницательный человек... Но вот лифт остановился, и Агейра стал прежним, умным, но слегка нахальным и взбалмошным... А может, мне показалось?

– Идемте. – Я вышла из лифта, прошла к преподавательской и, подождав, пока дверь с шипением втянется в стену, вошла. – Мой стол третий от окна в семнадцатом ряду, – давала я указания, следуя к своему месту, – чтобы скинуть выполненные задания, необходимо подойти, внести свой код. – Я указала на сверкающую зеленую панель. – Затем вставьте сеор в панель неоса и введете мой код – 754993872009. Если код не запомните, он здесь...

Я протянула руку к основной части стола и замерла... На поверхности лежали шоколадные фигурки и коробочки конфет, маленькие самодельные открытки, украшенные бантиками

цветочки. Пока я стояла с глазами, полными счастливых слез, Агейра взял одну из открыток и своим тихим, завораживающим голосом прочитал:

– «Мы без вас скучаем, маноре Манире! Мы вас любим!» – положил открытку поверх вороха и достал другую: – «Маноре Манире, я вчера летал! Почти пять кан, у меня баллы девяносто восемь! Подпись: «Ваш самый вредный обучающийся, Елька!» – Агейра перевел взгляд на растроганную меня и спросил: – Вы так любите детей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.